„ХРИСТИАНИН“

ДЛЯ ВСЕХ ИЩУЩИХ ИСТИНУ И ЛЮБЯЩИХ ГОСПОДА

№ 2 | 1927 год | № 2

ТЕКСТ: 1) Плам'ней!—Стих. *И. С. П.* 2) Библия в жизни верующего.—Проповедь *И. С. Проханова.* 3) Не медли. 4) „На фоне безумья“... Стих. *Ек. Ш—ко.* 5) Даниил.—*И. Кареля.* 6) Молись. 7) Светлый день.—*А. Карева.*) Делай все доброе... 9) Тихие беседы о молитве. Ч. I, гл. 2.—*С. Гордона.* 10) „Блажен, кто молиться умеет“...—Сти . *N. N.* 11) „Не бойся, но говори“...—*Ч. С.* 1) „К труду“...—Стих. *В. И. Ф.* 13) Экзегетика. Толкование книги бытия.—*В. И. Быкова.* 14) Церковь Христова.—Стих. *Т. Кашавцевой.* 15. Искренние укоризны.—*Ч. Спердженa.* 16) Милосердный самарянин.—Стих. *Ю. Ж.* 17) Мытарь и фарисей.—*В. Богословский.* 18) Краткое Библейское чтение. Первое и второе послания к Фессалоникийцам, первое и второе—к Тимофею, послания к Титу и Филимону. 19) На каждый день. 20) Иисус Христос у Марфы и Марии.—Стих. *О. Ч.*
ДУХОВНЫЕ ЕЕСНИ: Славьте Бога сил.—Перев. *Н. А. К.*, муз. *I. W. Werd.*

Пламеней!

„Но как ты тепл, то изверну тебя из уст Моих.“
Откр. 3, 16.

Ты лишь тепел и пред миром
В теплоте приятно спишь;
Мир склонился пред кумиром,
Ты беспечен, ты молчишь.

Где тот голос благовестный,
Где любви святая речь,
Что могла б из вечной бездны
Души гибнущих извлечь?

Тепел ты и равнодушен
К скорби страждущих людей;
И упорно непослушен
Зову Божиих речей.

Он зовет тебя на поле,
Где колосьям нет числа;
Но в тебе нет к жатве воли,
Леность власть в тебе взяла.

Если б дух твой был холодным,
Он принял бы Божью речь;
Загорев огнем Господним,
Он бы мог других зажечь.

Если б дух твой был горячим,
Он бы пламенно внимал
Всем словам, животворящим,
И весь мир бы зажигал.

Надо быть тебе горячим;
И холодным лучше быть,
Чем, в тепле беспечно спящим,
Жизнь бесплодную влачить.

О, гори, мой брат, любовью,
Верой чистой пламеней,
Чтобы лик, облитый кровью,
*Чрез тебя спасал людей *).*

И. С. П.

*) Из сборника „Песни первых христиан“.

БИБЛИЯ В ЖИЗНИ ВЕРУЮЩЕГО.

Проповедь **И. С. Проханова.**

„Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности. Да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен".—**2 Тим. 3, 16.**

Известный английский писатель Вальтер Скотт был человек верующий. Заболев смертельною болезнью, чувствуя приближение последнего часа, он сказал своему зятю, находившемуся в то время в его комнате: „Дай мне книгу"!—Зять спросил: „Какую книгу"?—„Разве ты не знаешь,—сказал больной старец,—что есть только одна Книга, это—драгоценная Библия"! Человеку, сознающему свою нужду и сокровища Библии, она решительно дает все: истину не ветшающую, богатство не преходящее, радости неувядаемые, венец не блекнущий, утешение в скорбях, удаление страха, блаженную надежду непрекращающейся жизни.

Так говорил прославленный старец, которого сочинения в то время были распространены по всему миру и чьи книги были известны в то время читающей публике всех стран.

Да, по понятию этого великого писателя многих книг, Библия была самая великая книга, книга книг.

Для нас важно вспомнить, что слово „библия" греческого происхождения и что по-русски она значит просто „к н и г и".

Хотя в то время греки и римляне имели обширную философию, но она преподавалась большею частью устно. Книг в нашем значении было мало. Только чрезвычайно богатые люди имели у себя рукописные книги, так как в то время люди не имели понятия о печатании книг. Но во всех общинах, основанных Христом и апостолами, во всех христианских церквах имелись кожаные книги (2 Тим. 4, 13), представляющие из себя „писания". Других книг не было. Поэтому эти священные писания и приобрели название: книги, т. е. „Библия", которое за ними и укрепилось навеки.

С нашей точки зрения мы понимаем эти писания за единственные книги, достойные того, чтобы мы поставили их в основу нашей жизни.

Значение этих книг (библии) для верующих людей неизмеримо.

Постараемся насколько возможно осветить это значение.

I. Какова цель Библии (писания)?

Цель Библии достаточно ясно выражена апостолами в вышеприведенных словах—„Да будет совершен Божий человек", т.-е. эта цель есть содействие человеку в достижении им духовно-нравственного совершенства.

Христос поставил эту цель для человека, когда сказал: „будьте совершенны, как Отец ваш небесный совершен"—(Матф. 5, 48).

Мы не принадлежим к числу людей, которые утверждают, что они уже здесь на земле могут достигнуть или что они уже достигли совершенства.

Такое учение мы признаем крайне ошибочным.

Мы держимся того мнения, какое было у ап. Павла: не почитаю себя достигшим—не говорю, „что я усовершился", но стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос (Фил. 3, 12—13). Мы не знаем, достигнем ли мы на земле полного совершенства и скорее думаем, что нет, но мы считаем для себя обязательным стремиться к совершенству и приближаться к нему неуклонно и непрестанно.

И вот, в достижении этой цели, в поддержании непрестанного стремления к совершенству и в приближении к нему, Библия является для нас великим средством.

Никакая другая книга не может нам помочь так, как Библия.

Самая наука бессильна в этом отношении.

Здесь мы должны отметить замечательный факт.

За несколько последних столетий наука достигла великого развития. Достижения в области техники и изучения природы чрезвычайно многоразличны и ценны.

Умственное просвещение масс в виде применения к ним различных систем образования сделало великие успехи.

Казалось бы, что и уровень духовно-нравственной жизни людей должен был бы значительно повыситься. Между тем научные исследования и житейский опыт показывают, что, несмотря на умственное развитие масс и даже как бы по мере достижения успехов в этом направлении, нравственное состояние людей в поразительной степени ухудшилось. Это ухудшение произошло в такой степени, что над людьми нашего времени сбылись предсказания Библии: „в последнее время люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщены, более сластолюбивы, нежели боголюбивы" и пр. (2 Тим. 3, 1—5).

Разве это не картина наших дней? Разве здесь не сбылись слова Христа: „по причине умножения беззакония у многих охладеет любовь" (Матф. 14, 12).

Мы признаем великое значение науки в отношении умственного просвещения человечества и облегчения трудовых условий жизни человеческой, но вместе с тем для нас ясно полное бессилие ее в деле содействия нравственному и духовному развитию человечества.

Здесь может помочь только Библия.

II. Как достигается цель Библии?

В словах апостола ясно указаны способы осуществления цели Библии.

Совершенствование человека достигается путем „научения, обличения, исправления и наставления в праведности" (2 Тим. 3, 16).

Здесь уместен пример из жизни.

Не всем известно, что обыкновенный уголь путем применения электрического тока может быть превращен в алмаз. Конечно, это важная перемена для угля в смысле его усовершенствования.

Естественно, что человек в своем греховном состоянии представляет весьма печальную картину. Это—развалины храма, это разлагающийся труп, это грязный комок угля.

Вывод человека из этого состояния и начало пути к совершенствованию производится Словом Божиим двумя ступенями.

Первая ступень—духовное возрождение, рождение свыше. Из праха, из разрушения, темного и мрачного состояния рождается новый человек в нетленной красоте праведности, полученной от Христа. Уголь превращен в алмаз.

Но дело в том, что алмаз для своего усовершенствования требует другой операции.

В том виде, как его находят в природе, алмаз не имеет ни блеска, ни правильной формы. Его отдают или гранильщику или на погранильную фабрику. Там производится гранение: алмаз приобретает правильную кристаллическую форму и прекрасный блеск и даже сияние.

Научение, обличение, исправление и наставление в праведности, все эти воздействия Слова Божия и составляют „гранение алмаза". Слово Божие научает верующего, как вести праведную жизнь и избегать ошибок; если человек совершит ошибку и не сознает ее, Слово Божие обличает его; указывает ему, как исправиться и, затем наставляет, как утвердить себя в праведности Божией.

Таким образом удаляются все шероховатости и трещины, все темные места и алмаз начинает сиять все больше и больше.

III. Что нужно для достижения цели?

Каждому верующему нужно предоставить свою душу влиянию Библии и для этого необходимо читать Библию или слушать чтение Библии. Верующие читают Библию, но не так часто, как должно. Читают ее отрывками а не целиком. Редко кто прочитывает эту книгу от доски и до доски. У большинства верующих вследствие этого создаются отрывочные сведения об общем повествовании этой книги.

Перед отъездом из Америки я читал в газетах, что один человек там за свою жизнь прочитал Библию 748 раз. За год он прочитывал Библию не менее 10—15 раз. Это действительно достаточное чтение. При таком чтении в уме читателя должна запечатлеться полная картина библейского повествования.

Брат и сестра! Если вы этого еще не сделали, постарайтесь прочитать Библию от начала до конца и запомнить последовательный ход событий. Тогда многие места Библии вам сделаются более понятными. Конечно самого чтения недостаточно.

Псалмопевец говорит о праведнике, „что о законе Его размышляет он день и ночь" (Пс. 1, 2).

Необходимо размышлять о том, что прочитывается в Библии, и усвоять ее истины.

Целью чтения и размышления должно служить использование свойств Библии для блага наших бессмертных душ.

IV. Как должно использовать Библию для цели?

1. Как свет.

Псалмопевец (Пс. 118, 105) говорит: „Слово Твое светильник ноге моей". Когда мы прибегаем к Библии, мы начинаем видеть свои недостатки, а с другой стороны нам яснее открывается путь Божий, по которому нам надлежит итти в жизненной долине.

2. Как меч духовный.

Апостол Павел (Ефес. 6, 17) называет Слово Божие „мечом духовным". Верующие должны вести на земле духовную войну против греха и духов злобы поднебесных. Эта война чрезвычайно опасная. Такую войну с сатаною вел Сам Спаситель и отразил его нападки Словом Божиим. На все предложения сатаны Сын Божий и Сын Человеческий отвечал изречениями Слова Божия (Лук. 4, 1—13) и тем принудил сатану отойти от него. Так совершена была победа.

Брат мой, сестра моя! Если мы хотим, чтобы сатана к нам не приближался, или если он приблизился, чтобы он ушел от нас, если мы хотим победить его, будем прибегать к Слову.

3. Как молот.

Пророк Иеремия (23, 29) называет Слово Божие молотом, сокрушающим скалы. Какое суровое, какое каменное сердце было у Савла, который гнал Христа и Его церковь! Однако слово Его сокрушило Савла. В страхе и трепете он пал перед говорившим и в тот момент из каменного сердца получилось сердце плотяное, сердце отзывчивое призыву Всемогущего и нуждам страждущего человечества.

Если вы будете под действием Слова Божия, то все виды камней, всякого рода ожесточения будут сокрушены.

4. Как огонь.

В том же месте Иеремия (23, 29) называет Слово Божие огнем. Подобно огню, Слово Божие согревает печальные сердца утешением и ободрением. Так, слово Христа утешило мать у гроба умершего сына, грешницу, плакавшую у ног Его, и других.

5. Как дождь.

Пророк Исаия называет Слово Божие (Ис. 55, 10) дождем, который „нисходит с неба и туда не возвращается, но напояет землю и делает ее способною рождать и произращать, чтобы она давала семя тому, кто сеет и хлеб тому, кто ест".

„Так и слово Мое—говорит Господь—которое исходит из уст Моих, оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно".

При пользовании Библией слово Божие, западая в сердечные помышления, подобно дождю оплодотворяет их и у человека является желание принять призыв Божий, исповедывать грех, просить о прощении, получить уверенность в нем и начать жить новою жизнью.

Если душа уже отдалась Господу, то дождь Слова Божия, западая в нее, удаляет пыль житейских забот и освежает ее чувства, мысли и решения.

6. Как воду живую.

Сам Спаситель назвал Свое слово водою живою—которая так утоляет жажду, что всякий, кто выпьет ее, не будет жаждать вовек.

У людей мира сего есть жажда к счастью—Слово Божие приводит их к счастью и даже к блаженству.

У верующих имеется жажда знания, мудрости, бóльшего освящения и т. п.

Эту жажду верующая душа может удовлетворить только через Слово Божие.

7. Как хлеб жизни, молоко, мед.

Господь приравнял Слово Божие по его значению к хлебу, когда сказал, что человек не хлебом одним будет жить, но всяким словом, исходящим из уст Божиих (Матф. 4, 4).

Ап. Петр называет Слово Божие чистым словесным молоком (1 Петр. 2, 2), а Псалмопевец говорит, что Слово Божие лучше меда (Пс. 118, 103).

Душа верующего, как и тело его, нуждается в постоянном питании. Это питание может производиться только путем воспринятия Слова Божия.

Пророки Божии питались Словом Божиим. Это выражено чрезвычайно ярко в книге (Иер. 15, 16): „обретены слова Твои, и я съел их, и было слово Твое мне и в радость и в веселие сердца моего".

Таким образом при использовании Библии или Слова Божия мы все более освещаем наши недостатки и те пути, которые ведут к совершенству, сражаем вражью силу, препятствующую нам на этом пути, сокрушаем все камни, попадающие в наше сердце, согреваем дух среди холодных ветров жизни, освежаем себя в момент усталости и увядания, утоляем жажду знания и мудрости и питаем душу, которая крепнет и возрастает в вере, надежде и любви к своему Господу, и тем самым приближаемся к совершенству.

V. Необходимо иметь живую копию Библии.

Нужно использовать все свойства Библии, но для большего совершенства необходимо нечто бóльшее: нужно иметь живую копию Библии. Есть много различных изданий Библии на разных языках с разными особенностями. Но не об одном из таких изданий здесь идет речь.

Мы говорим об особой Библии, о живой Библии. Об этой Библии говорит пророк Иеремия (31, 33): „Вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его".

Это Библия, написанная не на бумаге, а на сердце верующего. Об этой Библии говорит и ап. Павел (2 Кор. 3, 3): „вы показываете собою, что вы—письмо Христово, через служение наше, написанное не чернилами, но Духом Бога живого, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца".

Есть люди, которые наизусть помнят всю Библию. Она у них написана на памяти, но Господь хочет, чтобы Его закон был написан на сердцах наших, на всем нашем существе.

Если же Библия будет написана на наших сердцах, она будет написана и в нашей жизни.

А как это важно!

Мир не читает печатной Библии, но он внимательно читает нашу жизнь.

VI. Необходимо иметь Библию говорящую.

О говорящей Библии пишет ап. Иоанн (1 Иоан. 2, 27): „Помазание, которое вы получили от Него в вас пребывает и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему и оно—истинно и не ложно, то чему оно научило вас, в том пребывайте".

Речь здесь идет о том, что в сердце верующего не только есть живая копия Библии, но как бы особый духовный аппарат, подобный громкоговорителю, который напоминает верующему те части его живой Библии, которые ему нужны именно в данный момент.

Этот духовный аппарат называется „помазанием".

Это—внутреннее говорящее Слово, которое иногда повелевало апостолам: итти (Деян. 11, 12), а иногда запрещало им итти (Деян. 16, 7).

Есть люди, которые на основании этого отрицают необходимость читать писанную Библию.

Нет, читать и исследовать писанную Библию заповедал нам Сам Господь (Иоан. 5, 28). К этому важно иметь живую Библию в сердце и не менее важно иметь внутренний голос, который бы указывал те слова из Библии, которые нужны верующему в данный момент.

Но между помазанием, живой Библией на сердце и писанной Библией должно быть полное согласие.

Пользование писанной Библией будет производить работу преобразования, живая Библия будет проникать всю жизнь, а помазание будет давать окончательные указания к цели совершенствования.

Да будет совершен Божий человек!

Заключение.

Что же нам делать, чтобы Библия содействовала достижению совершенства?

Нужно ценить Библию.

Верующие часто не сознают всей ценности этой Книги.

Пушкин писал:

„Что имеем, не храним,
Потерявши — плачем".

Вот с Израильским народом было нечто в роде этого.

Было время, когда они потеряли свою Библию.

При царе Манассии-идолопоклоннике Библия была потеряна, а при царе Иоссии она была найдена, замурованной в стене.

Какая это была радость! (4 Цар. 23, 3).

Весь народ в торжественном собрании обновил свое отношение к Господу, и дал новое обещание „соблюдать заповеди Его и откровения Его и уставы Его от всего сердца и от всей души, чтобы выполнить слова завета сего, написанные в книге сей".

Хорошо и нам возобновить наше отношение к Библии в такой мере, чтобы действительно мы подвинулись на пути к совершенствованию.

НЕ МЕДЛИ!

Франц Томсон—хороший работник. Жил в старой части города Нью-Йорка. Он—старший сын большой семьи; мать его—живая верующая христианка. С ранних лет она учила Франца с благоговением относиться к Слову Божию, часто напоминала ему о живущем в нас грехе, о наказании, его ожидающем, и об искупительной жертве Христа.

Но, подобно многим молодым людям, Томсон больше заботился о благополучии земном, нежели о славе небесной. Он продолжал жить интересами земными, не помышляя о вечности.

Томсон был шоффер [1]). Однажды товарищи пригласили его прокатиться с ними в автомобиле. Проезжая через высокую часть города, молодые люди должны были пересечь рельсы. Стремительно мчавшийся поезд врезался в автомобиль; Томсон был убит на месте, а товарищи его были серьезно ранены.

Один из уцелевших друзей покойного поехал к его родителям, чтобы сообщить им об ужасном происшествии. Молодому человеку дверь отворил отец,—мать была наверху. Услышав о неожиданной смерти сына, она в глубокой скорби воскликнула: «**И он не был спасен**»!..

Франц Томсон старался заработать как можно больше денег, и, живя исключительно для земных интересов,—потерял свою душу. Как это ужасно! А между тем многие идут этим же путем. Не принадлежишь ли и ты к числу таковых?

Иеремия, так метко называемый «плачущим пророком» [2]), сокрушаясь о грехах и неверности народа Божия, Израиля, восклицал: «Прошла жатва, кончилось лето, **а мы не спасены**».—Иер. 8, 20. Израиль стоял перед открытой дверью. Хотя этот ветхозаветный народ Божий и не взыскал тогда спасения, однакож день помилования его не миновал: он мог еще получить прощение от Бога.

Не то с душой Франца Томсона. Она оставила его тело, и с этой минуты возможность покаяния исчезла для него.

Быть может, подобно этому молодому человеку, ты также решил продолжать жить без Бога, ежедневно подвергая опасности свою душу. Если ты—юноша, Бог и тебя предостерегает словами: «Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей Твоих; только знай, что **за все это Бог приведет тебя на суд**».—Еккл. 12, 9. В жизни твоей уже часто предупреждал тебя Христос об участи, ожидающей отвергающих зов Его, но ты не внимал голосу любви Его. Сегодня еще раз напоминает Он тебе. Слушай серьезное увещание—предупреждение Божие: «Живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника... обратитесь, обратитесь от злых путей ваших; для чего умирать вам!»—Иез. 33, 11. Без дальнейшего предупреждения жизнь моя может пресечься и, непримиренный с Богом, можешь ты отойти в вечность. Зачем тебе терять душу свою? К чему еще медлить?—Бог сказал, что «Человек, который, будучи обличаем, ожесточает выю свою, **внезапно сокрушится**, и не будет ему исцеления».—Пр. Сол. 29, 1. Ты можешь погибнуть от какого-либо неожиданного случая, можешь внезапно умереть на службе, можешь умереть дома среди разговора, когда ты читаешь или пишешь, и если ты умрешь, не приняв спасения,—ты обречен на безнадежную, вечную гибель.

[1]) Вожатый автомобиля (ауто), правящий им.—**Ред. Ком.**
[2]) Или «мужем рыдающей любви», «пророком слез».—**Ред. Ком.**

Не думай, что потому, что мать твоя—христианка, так Бог спасет тебя от ада. Бог не хочет тебя заставить примириться с Ним **насильно**. Он не хочет силою принудить тебя верить в Сына Его. Авессалом, сын Давида, также мог надеяться, что Бог ответит на молитвы его отца. Однакож,—прислушайся внимательно к горькому рыданию царя Давида, когда он узнает о смерти сына: «...сын мой Авессалом, сын мой, сын мой Авессалом! О, кто дал бы мне умереть вместо тебя. Авессалом, сын мой, сын мой!—2 Цар, 18, 33.

«Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться».—Деян. 17, 30. Он повелевает **тебе в эту самую минуту одуматься, раскаяться**, изменить свой взгляд на самого себя, на Бога, на спасение и поверить в Господа Иисуса Христа. Дверь отверста—входи в нее! «Подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти и не возмогут. Когда хозяин дома встанет и затворит двери, тогда вы, стоя вне, станете стучать в двери» (Лук. 13, 24—25). Ты должен одно помнить,—что Господь Иисус, ныне **сидящий** одесную Бога, наконец **встанет**. Поэтому—не медли! Дверь отверзта, входи в нее! Христос есть дверь, ведущая в присутствие Божие. Он любит тебя; Он пролил Свою драгоценную Кровь для спасения твоего. «Если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься».—Римл. 10, 9. **Время окончится** и сменится—**вечностью**...—Memento mori! [1]).

---

* * *

На фоне безумья людских упований,
На грани проклятия, скорби и слез,
Во тьме безотрадной борьбы и страданий
Сияет, как яркое солнце,—Христос!

Он—камень надежный, скала и опора
Всем страждущим, скорбным, усталым сердцам;
Мы в нем лишь найдем утешенье для взора,
Направив свой взгляд к голубым небесам.

Он силу дает нам в борьбе и победу
Над смертью, над миром, грехом и над злом;
Мы всех приглашаем к чудесному свету,
Что в Библии назван—Иисусом Христом!

Он—светоч в пустыне, маяк среди бури
На море житейском усталым пловцам;
К Нему поскорей,—по безбрежной лазури
С Ним путь мы направим к родным небесам!

Ек. Ш—ко.

---

[1]) Помни это, помни о смерти!—**Ред. Ком.**

ДАНИИЛ.

„Даниил положил в сердце своем не осквернияться яствами со стола царского и вином, какое пьет царь". — **Дан. 1, 8—20.**

В жизни веры детей Божиих существуют многие вопросы великой важности. Как например: каково твое положение пред Богом, твое отношение к Нему, к Сыну Божию и к Духу Святому? Каково твое отношение к твоим братьям во Христе и ко всему Телу Господню? Также очень важно: как ты относишься к тем, которые вне? и т. д. Но один из величайших и важнейших из всех вопросов, от начала и до конца каждой жизни веры, будет следующий: как ты относишься ко греху? Некоторые из святых Божиих **совсем порвали со грехом** в тот день, когда Бог возродил их к живой надежде вечной жизни, и их жизнь стала светлой и благословенной как для них самих, так и для окружающих их. Бог благословил их, и они, в свою очередь, сделались благословением для всех, с которыми Бог дал им встретиться. Другие начали хорошо, потому что Бог всегда начинает с нами очень хорошо, но они очень скоро открыли только что закрывшиеся двери для лежащего перед ними греха, он влек, сначала, может быть, невидимо для других, и следовала печальная, все более темневшая жизнь, причинявшая им и другим многие скорби. Могли бы быть написаны объемистые книги о последних, если бы хотели привести совершенно вкратце и в нескольких чертах жизнь тех, которые встретились самому или которые проживают пред нашими глазами свою нечистую жизнь. Ведь у некоторых дело заходит так далеко, что они начинают **любить** свой грех, не могут жить без него и делаются рабами греха. Поэтому действительно уместно спросить: как же относимся мы ко греху, как ты, как я, как каждый единичный среди нас? Как приятно, как живительно видеть дитя Божие, идущее незапятнанным через этот мир. В Данииле, будущем пророке, Господь представляет нам одно из таких детей Своих, которое с первого начала сделало своим принципом,—не осквернять. Мы хорошо сделаем, если и мы последуем за ним и посмотрим, какая славная жизнь построилась на этом принципе.

Таким образом Даниил стоит перед нами с решением не осквернять. Хорошо, подойдем к этому ближе и

I. Осмотрим же это рѣшение Даниила.

Заметимте, **это самая первая черта, которую мы имеем перед собою из жизни Даниила.**—Однако как драгоценно, что мы сразу можем сказать, что это и осталось **главной чертой** всей его жизни от начала до конца. Иные, конечно, вступают с подобным решением в жизнь, но проходит немного времени и их чистота сердца ушла. Грех, похоть, протягивает свои грязные нити сначала через их мысли и представления; первый случай практически насладиться им не избегается и скоро они делаются полем, на котором день и ночь продолжается посев и жатва нечистого. Слава Богу у Даниила чистота сердца стояла на непоколебимой почве и, вероятно, чрез него она тотчас сделалась главной чертой трех друзей его. Всегда, когда я читаю это первое сообщение о нем, передо мною как бы стоит первый библейский юношеский кружок, в котором председательствовал Даниил. Их устав не был разработан в длину и ширину, он заключал только один параграф: «Мы положили в сердцах наших не осквернять!» О, как я советовал бы всем

юношеским и девичьим кружкам сделать этот устав их уставом и хорошо изучить тот первый вавилонский кружок!

Однако, о, мои братья и сестры, кто бы вы ни были, молодые ли или старые, **чистота сердца и жизни** должна быть тоже и вашей первой и главной чертой жизни. Если вам недостает этой черты, то вы не можете свободно поднять глаза ваши пред вашим Отцом на небесах, ни перед церковью, ни даже перед теми, которые вне. Вся ценность, вся красота, вся годность и всякая надежда достигнуть славной цели Божией утрачена, если у чада Божия отсутствует чистота сердца, и оно не старается возвратиться к ней. Поэтому моя просьба обращена особенно к вам, вы, молодые члены тела Христова, вы, которые недавно омыты Кровью Христовой и отдавшиеся Ему в собственность, не будьте небрежны, не будьте равнодушны, пусть никто и ничто не соблазнит вас—хотя бы **только в мыслях** дать место греху: ваше блаженство продлится столько, насколько продолжится ваша невинность. Сохраняйте вашу совесть, не дайте лечь на нее первому пятну; если оно никогда не появится, то вы в великой радости будете проходить ваш жизненный путь. Если же вы сознаете, что вы каким-либо образом нарушили прекрасную белизну ваших одежд спасения, то спешите без промедления к Иисусу и не уходите от лица Его, пока все не будет восстановлено так, как было в тот день, когда Он простил все ваши грехи. Дрожите, как бы не дойти до того состояния, в котором находятся иные, забывшие об очищении прежних грехов своих.

Да будет чистота сердец ваших первой и главной чертой всей вашей жизни веры и вы будете все более преуспевать в благодати и сделаетесь украшением учения Господа нашего Иисуса Христа.

Даниил желал не осквернять, и притом в совершенно маловажных вещах.—Там сказано: «яствами со стола царского и вином, какое пьет царь» (ст. 8). Дело шло о воздержании от различных кушаний и напитков, которые запрещались израильским обрядовым законом. Бог простил бы упущение таких предписаний, **если бы не было никакого иного выхода**, потому что они были скорее иносказательными и подразумевали воздержание сердца. Также они не заключали в себе нравственных преступлений ни против Бога, ни против ближнего. Но здесь мы имеем то драгоценное, что Даниил и его друзья хотели и в этом стоять верно на стороне Божией. Они не приняли ложной свободы, рассуждать о Божиих заповедях, малы ли или велики они. Для них было свято, что Он заповедал, что бы это ни было. Всегда будет великим вопросом **верны ли мы в малом**, имеем ли мы нежное сердце по отношению к Отцу и не хотим причинить Ему боли в малейшем и не хотим допустить подняться у нас даже тени непослушания против Него. Потому оно совершенно верно, кто в малом верен по отношению к своему Богу, тот еще гораздо более будет верен в великом. И каждый может быть уверен, кто выдержит здесь испытание перед Богом, тот узнает, что его Отец вскоре доверит ему большее, как вы можете наглядно видеть и на Данииле и его трех друзьях. Поэтому приноси, дорогое дитя Божие, все, даже самые ничтожные вещи в соотношение к твоему Богу, делай это ежедневно, во всем сдавай угодный Ему экзамен и ты никогда не раскаешься. И когда ты привыкнешь к этому, тогда повиновение Ему будет твоим блаженством, твоей пищей и питьем.

Какое это печальное явление в наши лаодикийские дни: те, которые уже прошли через тесные врата покаяния,—вскоре отвратились, и не желают итти тем узким путем, который лежит перед ними; они нашли предшественников на пути плотской свободы и присоединились к ним. Для них ничего не значит легкомысленное слово, неправда; ложь для них—мелочь, лишь бы только она была хорошо прикрыта, о шутке со святыми предметами не стоит даже

говорить. Они, поэтому, не хотят иметь никакого дела с серьезными, верными детьми Божиими, и охотно уклоняются от них. Каждое слово любви, призывающее их ко Христу, обременяет их, и, как только оно раздастся, их сердце и ухо оказывается закрытыми. Дело идет у них все глубже в грех. Об этом времени ап. Павел писал так: «Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху: и от истины отвратят слух» (2 Тим. 4, 3—4).

Ах, как многие на пути своем в малом бывают не верными Богу, они уподобляются людям, которые привыкли жить в нечистоте и, в конце концов, даже не чувствуют себя при этом плохо. Какой противоположностью этому был Даниил со своими друзьями!

«Не осквернять» было решением Даниила, и это в таком затруднительном положении!—Остановимся на одно мгновение и бросим взгляд на положение этих молодых людей. Кто были Даниил и его три друга? Они были военнопленные, уведенные далеко от своей родины. Здесь они находились среди язычников, которые не знали Бога. Но самое ужасное было то, что они находились во власти страшного тирана, который не признавал прав никакого человека, даже и в смысле его отношения к Богу. Воля царя и только она одна, должна быть законом для каждого из его подданных.

Особенно ярко проявился его жестокий деспотизм, когда он повелел сделать золотого истукана, которому должны были поклоняться все без исключения. Из всех князей и вельмож царя только три друга Даниила отказались сделать это. Царю донесли об этом; он так разгневался, что «вид лица его изменился на Седраха, Мисаха и Авденато», и он повелел воинам связать их, и бросить в печь, раскаленную в семь раз сильнее того, как обыкновенно разжигали ее (ст. 19—20). И это,—только за то, что юноши жили по своей вере! Не исполнить, обойти как-нибудь приказание такого тирана, значило подвергнуть себя смертельной опасности.

В наши дни нам ничто такое не грозит. Нам легко жить чисто и свято. Зависит это только от нас самих. Никто нас ни к чему не принуждает, не заставляет ни от чего отказаться. Наоборот: некоторые из нас живут среди людей, которые и сами стремятся жить по Божьим законам. Как же в таком случае должны были бы они светить, как сиять, послушные Отцу до самых мелочей жизни!

Случается действительно и так, что мы бываем окружены людьми, жизненный элемент которых—грех, которые ненавидят нас, и имеют, притом, власть над нами; наше нежелание жить, как они, возмущает, сердит их. Что же тут нам делать? Уступить? Отказаться от своей веры?

Даниил и друзья его показывают, что даже и в том опасном положении, в котором были они, и какого в настоящее время представить себе трудно, возможно остаться чистым среди нечистых. Можно остаться далеким от всех их предложений, всех их наслаждений, но это при одном только условии, при котором и эти отроки остались далекими от всего греха, окружавшего их в Вавилоне. Это условие—быть в тесном общении с Господом. Мы знаем, что те четыре действительно устояли. Как же Господь помог им? И хотим ли мы сами остаться чистыми?

Пойдем же дальше, и посмотрим.

II. Как поступил Даниил, чтобы остаться чистым?

О! Каким примером может послужить он нам в этом отношении!

Прежде всего мы находим, что:

Даниил положил этому основание в сердце своем.—Мы читаем так: «Даниил положил в сердце своем не осквернять яствами со стола царского,

и вином, которое пьет царь» (ст. 8). Мог ли он избрать более верный путь? Именно: «положил в сердце», а не только **рассудком** понял, что хорошо сохранять себя незапятнанным во всех отношениях. Рассудок бессилен удержать человека от зла, если сердцем он влечется к нему. Не из сердца ли исходит все то, что оскверняет человека (Матф. 15, 19—20)? Только тогда, когда мы в **глубине сердца** стоим на стороне Божией—только тогда мы на верном пути, и можем установить правильное отношение ко всему, что касается нас.

Там в глубине сердца, у Даниила было твердое решение: «Ничто нечистое не должно запятнать мое сердце и мое хождение здесь в языческой стране, среди тех, которые не знают Бога». Бог всегда смотрит на сердце: каковы мы **там**, таковы мы в действительности. Блажен, кто в сердце так настроен! Он примет от Господа благодать на благодать и сердце его будет все более укрепляться благодатию (Евр. 13, 9). Удивительно ли, что любвеобильная улыбка его Бога сопровождала Даниила всю жизнь, и что он постоянно повторяет ему: «муж желаний» (Дан. 9, 23; 10, 11, 19)?

Где в сердце обстоит так, как у Даниила, там не может возникнуть такой мысли: «А! ничего! эти люди ведь язычники, они не понимают, каково должно быть дитя Божие! Ничего не значит, если иной раз ты поступишь и не по заповеди Божией; и братья твои не здесь, никто не наблюдает за тобой».

К сожалению, еще многие не живут **перед Богом**, все их христианство состоит **во внешнем**, перед людьми, ничто в нем не является делом сердца. Где обстоит так, там сердце лукаво.

Как же стоишь ты, дорогой читатель, в этом отношении? Высказалось ли то же и из твоего сердца, когда апостол сказал: «Очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божием» (2 Кор. 7, 1)? Твердо ли в твоем сердце стоит: чего бы это ни стоило, я хочу остаться чистым. Если да, если ты в сердце останешься чистым, то без сомнения и снаружи ты в действительности останешься чистым. Отвергнись от каждой нечистоты и если обнаружишь какое-либо пятнышко, то очистись прежде нежели дочитаешь до конца эти строки: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Матф. 5, 8).

Далее. **Так как чистота Даниила касалась еще и других, он должен был сделать еще один шаг.**—Пойдите и посмотрите, как он старается просьбами и любезностью приобрести тех, которые имели власть над ним и над его друзьями. Существуют некоторые, очень сомнительные святые, которые, когда видят, что имеющие власть готовы принудить их поступить вопреки Бога, выступают с упрямством, и даже делаются дерзкими в ответах. Эти бедняки очень далеки от того, чтобы сохранить себя от осквернения, потому что они находятся в осквернении еще прежде, нежели те сделают что-либо для того, чтобы принудить их; они оскверняются своим грубым поведением. Здесь мы читаем о Данииле, как он идет к начальнику евнухов и кладет ему на сердце дело свое (9, 10), затем он идет к надзирателю, который должен был столовать их. Этому он делает разумное предложение: «Сделай опыт над рабами твоими: в течение десяти дней пусть дают нам в пищу овощи и воду для питья. И потом пусть явятся пред тобою лица наши и лица тех отроков, которые питаются царскою пищею, и затем поступай с рабами твоими, как увидишь» (ст. 12, 13). Какое признание власти своих начальников, какое нежное приближение к ним заключается в его поступке, там нет и тени вызова. И, с другой стороны, какое открытое упование на Бога,—что Он даст им при овощах и воде лучшее преуспеяние нежели тем, которые будут питаться с царского стола. Это истинное свидетельство, какое Бог хочет иметь

от Своих детей: кротость по отношению к людям и непоколебимое упование на Бога (Фил. 4, 4—5).

О, как многое могло бы совершаться в любви, без того, чтобы вступать с людьми в распри или споры и, прежде всего—с теми, которые имеют власть над нами! Если бы мы только стояли перед ними **под руководством Духа Святого**! Когда же они уже уязвлены нами, когда они вызваны нашим ветхим человеком и не видят в нас ничего от нового человека, когда мы после этого пострадаем чрез них, то мы уже страдаем не за Христа, как, может быть, воображаем, но за **нашу несвятость и дерзость**. Тридцать лет тому назад и более, мне выпала задача посетить большое число сосланных братьев на Кавказе, чтобы принести им утешение и поддержку; я мог слышать от некоторых, как они исповедывали свою веру пред судом и пред единичными чиновниками, и прославляли Господа. Но там были и другие, которые употребляли очень дерзкие слова, и еще там, в ссылке, торжествовали, что им удалось наговорить своим противникам жестоких колкостей. «Дорогие друзья», должен был я сказать иным, «вы отнюдь не страдаете за вашего Господа или за вашу праведность, но вы страдаете за ваш язык и за ваше нехорошее поведение».

Братья мои и сестры, если вы хотите остаться чистыми, и поэтому страдаете, будьте нежны, кротки и любезны даже и с теми, которые огорчают вас, со всеми, кто не понимает вас или не хочет понять. Не вызывайте их никогда жестокими словами, или обхождением, которое говорит: «я святее тебя».

III. Рассмотрим же еще, что было следствием этого решения Даниила.

Первым следствием было то, что Господь остался в тесном общении со всеми четырьмя отроками.—Какое драгоценное приобретение во всех обстоятельствах жизни, особенно же в том, в котором были они. Господь ведь был с ними, когда они были приведены в Вавилон, потому что иначе они не имели бы желания остаться чистыми. Все, которые живут без такой жажды, могут быть вполне уверенными, что они далеки от Него, и Он не может быть с ними. Подумайте только, как Сын Божий говорит о Себе и об Отце: «Отец», так исповедует Он перед иудеями, «не оставил Меня одного, ибо Я всегда делаю то, что Ему угодно» (Иоан. 8, 29). Не значут ли эти слова, что, если бы каким-либо образом было возможно, чтобы Сын Божий сделал что-нибудь, не угодное Отцу, то Он оставил бы Его Одного? И вот в горячем стремлении Даниила и его друзей остаться чистыми, заключалась жажда, чтобы Господь, который был с ними—и остался бы с ними, и у них, в будущем, и они достигли этого: вся жизнь их свидетельствует о том. Да, ничто не может разлучить нас с Богом и Его любовью. Так говорит и апостол, напоминая прежде всего тягчайшие страдания, могущие притти на нас от мира (Римл. 8, 35—36), а затем, и те страдания, которые могли бы причинить нам сверхъестественные силы (Римл. 8, 38—39). Но вот одно, что без всякого сомнения может привести нас к разделению: это нечистота, грех, отделяющие нас от Бога (Ис. 59, 2). Если мы терпим в себе нечистоту какого бы рода она ни была, тогда, значит, мы не любим Бога, и Он перестает быть нашим союзником.

Мы совершенно не можем себе представить, как ужасно и невыносимо было бы этим молодым иудеям там, в чужой стране, вдали от родины, от своих, вдали от святилища, среди врагов,—находиться еще и вдали от своего Бога. Он был единственным сокровищем, которое еще осталось у них, и не могло быть у них отнято, если только они сами не повернули Ему спину.

Но менее ли печально для чада Божия и в наши дни—стоять вне общения с Тем, Кто возлюбил нас и омыл от грехов наших Своею Кровью, и Который, что касается Его, с нами во все дни до скончания века? И все-таки, и все-таки многие из детей Его живут без Него. Что за причина? Между ними и их Господом **находится нечистота** и это уж из года в год, и каждый новый день прибавляет к ней новую. Не обольщайте себя жалким утешением: «Слава Богу, все обстоит хорошо!» если жизнь ваша не святая жизнь, ибо «если мы говорим, что имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то лжем и не поступаем по истине» (1 Иоан. 1, 6). Чистота и святость есть почва непрерывного общения с Ним.

Другим следствием было то, что Бог дал Даниилу милость в глазах тех, которые имели власть над ним.—«Бог даровал Даниилу милость и благорасположение начальника евнухов» (ст. 9). Тот, перед которым он в ином случае должен был трепетать, сделался благорасположенным к нему. Мы, дети Божии, должны бы всегда иметь в виду одну цель, обращаясь с неверующими: приобресть их сердца. Мы совершенно не годны для того, быть орудиями нашего Господа, если люди должны привлекать и приобретать нас. Сами же мы можем приобретать же и привлекать к себе людей только любезностью, кротостью и любовью в словах и делах. Это—ключи, которые открывают сердца. Иные вовсе не могут иначе говорить о своем Господе, как подходя к ним с упреками и споря. Так они часто расходятся с ними, не дав им ни кусочка истинного хлеба жизни. Часто они даже сделали все, чтобы так замкнуть их сердце, что никто и другой, даже с истинной любовью Христовой, не может подойти к ним. Как ужасна должна быть однако мысль: я ожесточил сердце того мужчины или той женщины, и что, если он (она) погибнет?

Но не странное ли это слово: «Бог даровал Даниилу милость» перед языческим чиновником? Не кажется ли, что дитя Божие нуждается в милости только перед своим Богом и Искупителем? и все-таки написано: «Когда Господу угодны пути человека, Он и врагов его примиряет с ним» (Пр. Сол. 16, 7). Но дети Божии никогда не должны бы иметь врагов по своей вине, и, если они встречаются с такими, которые враждебны им без причины, то они должны стараться приобрести их любовью и даже, если они не достигнут этого, продолжать их любить. Есть одно такое чудное слово, которое в этом отношении должно было бы сказать нам многое, очень многое. Оно гласит: «Иисус же преуспевал в премудрости и возрасте и **в любви у Бога и человеков**» (Лук. 2, 52). Это означает, что не только Бог, но и люди, чем далее, тем более, любили Его, и последние делались все дружелюбнее к Нему. Так должно бы быть у нас, потому что так было некогда у первой Церкви Божией, о которой сказано: «народ прославлял их» (Деян. 5, 13).

Как велико было то, что принесли эти четыре чада Божия в Вавилон! Этот деспотический царь многократно получал неизгладимые свидетельства об истинном Боге чрез них (Дан. 2, 46—47; 3, 28—29); все мудрецы и ученые всей страны узнали, что есть Бог, творящий чудеса, обнаруживающий тайны; однажды они узнали, что жизнь всех их была спасена через связь Даниила со своим Богом. И еще сегодня, как и в протекших веках, из числа верующих богословов многие держатся мнения, что те мудрецы с востока, которые пришли поклониться Господу вскоре после Его рождения (Матф. 2, 1), были последователями тех мудрецов, которые некогда приняли свидетельство Даниила и его друзей. Какое благословение, продолжающее действовать 500—600 лет через чистое, святое свидетельство! Дети Божии, будьте чисты сердцем и такая же благодать будет сопровождать вас.

Взгляните, наконец, еще раз на этих верных детей Божиих и обратите внимание, какие потоки благодати получили они сами.— Посмотрите только,

как почтил их Бог, как они привлекаются к все большему делу, и везде являются полезными работниками; посмотрите, как зависть и хитрость их врагов ничего не может совершить против них. Бог проводит их блестяще через все опасности. Он совершает для них никогда не виданные чудеса. Каким благословением становятся они для всей страны, в которой они были все же только чужестранцами. Взгляните на удивительные откровения, которые Господь дал даже одному Даниилу. Сколько света вышло от них для Израиля, для нас, и для всего мира в течение столетий, и будет исходить дальше, до дня пришествия Господня. 2.500 лет прошло с тех пор, что их уже нет, и хотя они умерли, они все же говорят светом своих откровений, своей жизнью, прожитою здесь, и их хождением в чистоте сердца. И все это было только возможно потому, что основная черта их сердца от начала до конца была—не оскверняться.

О, будьте уверены, Бог никогда не вливает Свои чистые воды в нечистые сосуды! Если вы любите нечистое, несвятое и грех,—оставайтесь в этом, любите все это более, нежели слово Господне, предпочитая сохранить ваше нечистое, несвятое, плотское, скорее, чем повиноваться слову; любите эту нечистоту более, нежели братскую любовь, нежели общение святых, пребывайте жестокосердными к тем, кто, по вашему мнению, оскорбил вас, и, поэтому, противьтесь примирению с ними; любите грех более нежели трапезу Господню, охотнее поворачивая спину этой трапезе, чем греху, ради которого вы считаете себя недостойными приближаться к ней; любите черное и мерзкое более, нежели блаженное общение с Отцом и Сыном и Духом Святым, ходя дни и недели ничуть не беспокоясь без этого общения: но знайте, что тогда вы закрыли для себя двери ко всем благословениям Божиим, которые пришли на тех четырех. Да и то, что вы думаете, что имеете, будет взято от вас. Поэтому лучшее для каждого чада Божия порвать еще сегодня с каждым, даже малейшим, сознанным грехом, выбросить из храма Господня всякий мусор, и сделаться чистым сердцем, потому что тогда приходишь к новому свету, новым откровениям, новым силам и потокам благодати Божией, которые изольются на нас и чрез нас на всех окружающих нас

И. Каргель

МОЛИСЬ.

Если ты унываешь и пал духом—молись; молитва утешит и подкрепит тебя.

Имеешь ты мир—молись; он окрепнет и углубится в душе твоей.

Будешь ты искушаем—молись; молитва поможет тебе сопротивляться.

Пал ты—молись; молитва ободрит тебя, даст тебе новые силы и ты воспрянешь.—С п ё р д ж е н.

СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ.

Я называю **светлым** днем—Воскресенье, первый день недели. На других языках он носит **название дня солнца**. И таким он и должен быть в жизни борцов Христовых. Какое счастье иметь воскресный день в нашем распоряжении! Как мы возблагодарим за него Господа, когда он сделается поистине светлым, солнечным днем в нашей жизни! Но таким он будет только для умеющих использовать его.

* * *

Суббота у иудеев. Чем она была? Днем покоя от всяких **ненужных** дел. Был известный «субботний» путь, то-есть максимум расстояния, которое мог в субботу проходить Иудей. Нельзя было в субботу разводить огня, так как в жаркой Палестине один день в неделю можно было обойтись без него.

Воскресенье у нас также должно быть днем **покоя** от всех ненужных, повседневных, обычных дел. О, как сердца Его детей именно в этот день полны забот о том, во что одеться, что пить, что есть... Почему бы не вычистить платье, сапоги, накануне? А варка пищи? Сплошь и рядом она занимает во многих христианских домах половину воскресного дня. Дым и чад кухонный застилает для многих наших сестер солнышко этого светлого дня. Почему бы не приготовлять пищу накануне, в субботу? Все ненужное—в сторону! Иначе—мы лишимся благословений воскресного дня.

* * *

Воскресенье—день нашего внутреннего человека. Оно принадлежит нашей душе. Это—день хвалы и благодарения за все воспоминаемые нами милости нашего Господа. Это—день самоиспытания, молитвы, песнопений. В этот день душа лучше всего может сосредоточиться на своем Искупителе, снова оценить всю Его безграничную любовь, почитать Его Слово и поразмыслить над святыми страницами. Проведенное таким образом воскресенье напитает душу на всю неделю, и лучи этого светлого дня будут озарять путь всех остальных дней недели.

* * *

Воскресенье—день ревностного служения Господу и ближним. Будем помнить, что в этот день свободны от своих занятий также и люди, не знающие Христа. Этим надо воспользоваться. Надо **искать** случая подойти к ним с Христовой вестью. Пролить свет Евангелия в их мрачные души. Многих можно пригласить в этот день в собрания, где они встретятся с Иисусом. Это—день посева и жатвы. День борьбы за души. Воскресенье—день впуска в больничные палаты. Надо заглянуть и туда, порадовать посещением и ласковым словом бедного страдальца на одре болезни. Мелькнуть яркой звездочкой в серой обстановке, его окружающей. О, сколько возможностей в этот день утешить, ободрить, сказать об Иисусе, порадовать одного, другого... И к концу так проведенного воскресенья на душе будет светло, светло.

* * *

Воскресенье в домах, где есть дети. Сделайте этот день полезным и радостным для ваших детей. Почитайте с ними из Слова Божия, расскажите им что-нибудь интересное, особенно об их лучшем Друге, Иисусе. Разучите новую песню, помолитесь с ними. Все это оставит глубокий след на всю их жизнь. Они многое забудут из своего детства, но не эти благословенные часы светлого, воскресного дня. Если они постарше, берите их на собрания, где

проповедуется Христос, и пусть они видят, как Он покоряет Своей любовью сердца бедных грешников. Пусть они посетят с вами больницу и познакомятся там с страданиями людей и таким образом научатся быть **друзьями страждующих**. Вводите их с ранних лет в служение Христу и ближним.

* * *

Воскресные гостбища. Сделайте их **священными**! Сколько пустых разговоров с гостями за чаем, даже в домах верующих. Избегайте этого. Пусть беседа ваша вращается вокруг славной и дорогой Личности Иисуса и вы не будете жалеть о потерянном напрасно времени. Пусть ваши гостбища будут похожи на гостбища Христа в доме Марии и Марфы в Вифании, или в доме Закхея, где Он являл Свои благословения. Если где-либо вы не можете светить светом Христа, лучше тогда совсем туда не ходить.

* * *

Будем помогать другим святить день воскресный. Мы не только ответственны за свое отношение к воскресному дню, но и за отношение к нему наших домочадцев, соседей и людей, с которыми мы сталкиваемся. Один крестьянин жаловался своему проповеднику, что ему так далеко приходится ходить каждое Воскресенье на собрания.—Какой вы счастливец, ответил проповедник,—что всякий раз, на пути в собрание, вы можете быть примером для каждого, кто вас знает. И действительно, без всяких слов, крестьянин каждому говорил:—Почему ты не ходишь, как я, в собрание?—Наше соблюдение воскресного дня отразится на всех душах, с которыми мы соприкасаемся. Если у вас есть прислуга, отпустите ее на собрание, пусть она послушает Слово Божие.

Сколько матерей, которые из-за малых детей не могут пойти в собрание. Неужели они обречены и в воскресный день хиреть и чахнуть в тесной клетке обычной домашней обстановки? Почему бы бессемейным сестрам не заменить их, оставшись на два—три часа при их детях, и отпустив **просвежиться** усталых матерей? Такое служение также сделает светлым и радостным воскресный день как для нас самих, так и для тех, кого мы заменили.

* * *

При таком соблюдении воскресного дня—он будет действительно **праздником** для нашей души. А у многих он не отличается ничем от всех остальных дней.

Итак, как можно меньше в Воскресенье обычных дел **для себя**, и как можно больше служения **Господу и ближним**!

И тогда он будет светлым, солнечным днем, поистине—днем Господним.

А. Карев.

Делай все доброе, какое можешь.
Всеми средствами, какими можешь.
Всеми путями, какими можешь.
Во всяком месте, где можешь.
Во всякое время, когда можешь.
Всему, кому можешь.
Так долго, как только ты можешь.

ТИХИЕ БЕСЕДЫ О МОЛИТВЕ [1]).

С. Гордон.

I. ЗНАЧЕНИЕ И ЗАДАЧА МОЛИТВЫ.

2. Решающее действие молитвы в духовной борьбе.

Доисторический конфликт. Молитва—главное орудие в возникшей в доисторические времена духовной борьбе; в ней она имеет решающее действие. Столкновение духовных сил происходит на земле. Оно вызвано борьбою за власть над землею и ее жителями. Конфликт этот произошел в покрытую туманом древности эпоху сотворения мира.

Законный Владыка земли есть Господь Иисус, Сын Царя. Но сатана посягнул на власть законного Владыки. Он обманул Его доверие. Подобно тому, как отвергнутый Богом царь Саул прилагал все усилия к тому, чтобы отнять власть от помазанного на царство Давида, так и сатана всячески старался и старается вырвать из руки Помазанника Божия.

Законный Владыка всякими способами убеждает жителей земли снова сделаться Его верноподданными. Великая брань, горячие схватки происходили между Ним и Его врагом; целый ряд побед остался на Его стороне; главную из них одержал Он в утро Своего воскресения из мертвых.

Одна типичная особенность делает борьбу эту непохожею на все остальные конфликты: решительная и очевидная победа, одержимая великим Предводителем, не прекратила однако войны. Важная причина руководила Его решением. Победитель, сердце Которого горит глубокою любовью к людям, домогается не только победы над врагом, но и **над душами человеческими**, желая, чтобы они **добровольно признали** владычество Его. И вот, по великой любви и мудрости, ради блага людей, Небесный Вождь войны не прекращает.

Конфликт этот духовного характера. Земля вовлечена в духовную борьбу. Бесчисленные тысячи духов добрых и злых витают на земле и наполняют ее атмосферу. Они представляют из себя две прекрасно организованные враждебные рати.

Человек—существо духовное; он—воплощенный в теле дух. У него есть тело и душа. Он—дух. Ему присуща борьба духовная, происходящая в духовном царстве, между ним и духами.

Сатана—существо духовное; он—дух, тела не имеющий, но всячески старающийся выполнять свои гнусные, темные замыслы чрез отдающихся в его власть людей.

В духовном мире действует сила исключительно **нравственная**. Она так называется не по своей моральности, но в противоположность силе физической.

Бог, не допускающий насилия, не прибегает к воздействию силою физическою. Исключение впрочем составляли происходившие по плану Божию войны, восстановлявшие попранные права одной из заинтересованных сторон. Из Библии мы узнаем, что в истории Израиля случались критические обстоятельства, при которых Бог допускал войны. Народам, которые повелено было Израилю истребить войною, в конце концов все равно угрожало вырождение, как их развращенности и их неповиновения законам природы. Интересы человечества требовали наиболее скорого искоренения этих людей.

[1]) См. «Христианин» № 1—1927 г.

В подобных исключительных случаях, в виду блага всего рода человеческого, всего мира, Бог обрекал такие народы на истребление войною. Создавшиеся критические обстоятельства требовали принятия исключительных мер. В одном случае отнятие от человека жизни совершенно правильно, а именно тогда, когда может быть вполне определенно установлено, что таково решение Самого Подателя и Начальника жизни. Но в обыкновенных случаях Бог насилия не применяет.

Заметьте при этом, что физическая сила, наоборот, составляет главное орудие сатаны. Здесь бросаются нам в глаза два знаменательные факта: во-первых, он может применить к делу силу, только сделав человека своим союзником и действуя чрез него; во-вторых, он прибегает к различным тонким уловкам, чтобы замаскировать свою деятельность. Он знает, что в духовной сфере сила явная и ничем неприкрашенная не имеет успеха; больше этого: он знает, что она будет сокрушена. Потому что она гораздо слабее нравственной силы, находящейся в распоряжении враждебной ему стороны. Сатана решительно не может устоять пред силами нравственной чистоты и правды. Господь Иисус есть олицетворение их. Именно на этом основании, именно в этой духовной сфере одержал Он великую победу. Живя на земле, Он испытал на Себе всю тяжесть страшной борьбы с лукавыми изощрениями ожесточенного врага и, выйдя из нее Победителем, не утратил Своей чистоты и правды.

Молитва отражает духовный облик молящегося. Итак, молитва есть сила духовная. Она направлена всецело против властей и сил духовных. Она состоит в постоянном стремлении человека, духа воплощенного, удалить врага с захваченной им земли, чтобы сила победы Христовой над властным победителем злых духов освободила от гнета жизнь, руководимую ею в данное время.

Молитва носит на себе характерные свойства человека, ее приносящего. Человек—существо духовное. И молитва—сила духовная. Она вносит в духовный мир все особенности его личности. Будучи силою духовною, она обладает некоторыми качествами или характерными чертами, присущими духам бесплотным. Для духа бесплотного не имеет значения пространство, стесняющее так сильно нас, духов воплощенных. Дух может двигаться со скоростью нашей мысли. Чтоб попасть в Лондон, я должен употребить по меньшей мере неделю, чтобы тело мое перенеслось чрез пространство, меня от него отделяющее. Но перенестись мыслию в Лондон и очутиться в пределах его мысленно я могу скорее, чем произнести слово. Так же скоро, как я думаю, дух может переноситься с одного места на другое.

Далее бесплотные духи не знают преград материальных,—стены зданий для них не существуют. Сегодня я вошел в эту комнату чрез эту дверь. Таким же путем пришли сюда и вы. Мы можем попасть в здание только чрез двери или окна. Но духи, окружающие нас здесь и сильно озабоченные нашею беседою, попали сюда помимо всех дверей. Они проникли сюда чрез стены, чрез крышу, если они были над нами, или чрез пол, если им случилось быть под ним.

Молитве присущи свойства духов бесплотных, для которых ни пространства, ни вещественных преград не существует. Поэтому молитва переносит мой дух, другими словами, действительную мою личность, к месту, о котором я молюсь, и вступает в борьбу с находящимися там духами. Я, например, ежедневно молюсь об одном человеке, живущем в городе на берегу Атлантического океана. Осязаемость и определенность моей молитвы за этого человека зависит от моего твердого убеждения, что молитва моя—духовная сила, мгновенно пробегающая отделяющее его от меня пространство,

беспрепятственно проникающая чрез стены дома, в котором он находится, и влияющая на окружающих его духов, а следовательно и на его собственную волю.

Когда, несколько лет тому назад, мне сделалось ясно, что Господь не желает, чтобы я служил Ему в тех странах земли, где ощущается особенная нужда в духовной работе, глубокое огорчение охватило мою душу.

Но когда я отдал себе отчет в премудрости распределения Им служения, мне стало вполне ясно, что я могу оказывать положительное влияние на жителей тех стран посредством молитвы. Как и многие другие, я имею определенную категорию лиц, за которых я ежедневно молюсь. За некоторых людей я конечно молюсь в разные времена поименно. И в простоте веры и с великою радостью в сердце я помню, что всякий раз, когда несется из моей души такая молитва, моя духовная личность переносится туда же, что я присутствую духом то в Шанхае, то в Калькутте или Токио, моля Бога ниспослать силу победы Христовой над духом лукавым, там господствующим, и подкрепить там верных работников Божиих.

Борьба ведется жестокая. Сатана—искусный стратег и упорный враг. Он сдается только тогда, когда бывает на голову разбит. Борьбою наполнена вся его жизнь. Как это ни странно может казаться, как это ни безумно, он делает вид, что расчитывает на победу. Нам показалось бы это менее странным и безумным, если бы мы могли учесть все у него данные, поддерживающие его надежду. В мире по всей вероятности есть много такого рода фактов. Молитва домогается победы Господа Иисуса и отступления врага от того места, сердца или дела, о котором она ходатайствует.

Враг сдает только то, что у него силою отнимается. Он уступает только необходимости. Поэтому приходится землю брать шаг за шагом. Молитва должна быть **определенная**. Враг постоянно возобновляет свои нападки, и потому следует твердо противодействовать ему во имя Победителя. Это дает нам понять, отчего «должно всегда молиться», даже когда мы уже начинаем получать ответ на нашу молитву.

Бог обретает в человеке молящемся новую опору. — Лучшим союзником Победителя бывает человек, который, оставаясь на поле сражения, приводит свою жизнь в непосредственное соприкосновение с своим Спасителем, Который и Победитель, а затем непрерывно, настоятельно, с верою просит **победы во имя Господа Иисуса**. Только пред **таким** человеком не может сатана устоять. Только **такой** человек обладает неодолимою духовною силою. Сатана вынужден сдаться. Мы так привыкли все описываемые нам историею победы приписывать силе, исключительно силе физической, что мы с трудом понимаем, что сила нравственная побеждает лучше всякой другой. Примером этого служит евангельское повествование о бесах, которые против своего желания и после упорной борьбы с своей стороны, вынуждены признать себя побежденными и даже обратиться к Победителю с просьбою. Личный христианский опыт изобилует чудными примерами победы, одержанной над самым ожесточенным сопротивлением и совершавшей удивительный переворот в душе человеческой.

Имей мы глаза, чтобы видеть духов и борьбу с ними, мы всегда видели бы поражение врага благодаря молитвам союзников Господа Иисуса, с Ним соединенных в духовной их жизни. Всякая молитва такого человека водружает обагренное искупительною Кровию Иисуса Христа знамя, в знак победы над сатаною. Человек, себя добровольно отдающий Богу и молящийся, представляет Богу возможность овладеть новою пядью отнятой от врага земли, чтобы там водрузить знамя победы.

Японцы в течение многих недель боролись за обладание Квантунским полуостровом близ Порт-Артура и после одержанных им над Россиею морских побед. Огромные усилия делали они, чтобы там удержаться. С неуклонной настойчивостью, ее характеризующей, боролась Япония за свое водворение в намеченном месте: она успокоилась, только овладев им.

Человек, пребывающий в молитве, дает Богу возможность вступить на спорное место земли. Преследуя намеченную Богом цель, молясь, и молясь непрестанно, он является для Бога опорною точкою на вражьей земле. Всецело преданный интересам Бога, он представляет в Его распоряжение на поле сражения новые оборонительные пункты, удобные для борьбы с врагом. Дух же Святой, пребывающий в этом человеке, заставит врага отступить от этого вновь отвоеванного места именем Победителя, Господа Иисуса. Такова суть молитвы. Не постараемся ли мы, каждый из нас в отдельности, умножить необходимые для Бога точки опоры на этой отступившей от Него земле?

3. Молитва, возносящаяся с земного поля брани.

Молитва—орудие духовного воинствования.—Мир этот является блудным сыном Бога. Сердце Бога обливается кровью при мысли об его отступничестве. Блудный сын далеко ушел от дома Отца. Бог в великой премудрости Своей составил чудный план, с помощью которого блудный сын может вернуться в дом Отчий. С благоговейным изумлением встретили ангелы и люди этот план, преклоняясь пред его высотою, его силою, мудростью и нежною любовью. Для осуществления Своего плана Бог нуждается в человеке. Он хочет сделать человека **орудием** Своим. Это несомненный факт. Он хочет **почтить** человека служением Себе. Все это так. Однако все это лишь малая часть истины. К человеческому сердцу Бог приближается чрез посредство другого сердца человеческого: когда Бог дошел до решительного шага в выполнении Своего плана, Он Сам сделался человеком и выполнил его. Богу нужен человек для осуществления Его плана.

Величайшее орудие, вложенное Богом в руки человека,—молитва. Чтоб понять это, необходимо определить сущность молитвы. Определить же с точностью молитву можно лишь военными терминами. Мирный язык здесь неуместен. На земле свирепствует война. Земля осаждена неприятелем, и только военный термин может выразить смысл молитвы. **Молитва, со стороны Божией, есть средство сообщения, связи, между Богом и Его союзниками, находящимися в земле вражьей.** Молитва не есть средство воздействия на Бога. Она не изменяет намерения Божия. Ею мы не можем привлечь Бога на нашу сторону. Бог гораздо, несравненно сильнее нас **желает** выполнения того, о чем мы по воле Его просим. Все греховное, всякое зло, всякое страдание, удручающее нас, бесконечно больше огорчает Его. Он в большей мере знает все это. Бог неизмеримо сильнее чувствует все. Порыв души, побуждающий вас молиться, исходит от Него. Бог вдохновляет всякую истинную молитву. Она исходит от Бога. Истинная молитва совершает движение круговое. Начинаясь в сердце Божием, она нисходит в сердце человеческое, на землю, которая есть поле духовной брани и, совершив путь земли, возвращается к месту своего возникновения, исполнив данное ей на земле поручение.

Три вида молитвы.—Молитвою принято называть всякое мысленное сношение с Богом. Но необходимо помнить, что слово это вмещает в себе понятие о трех видах сообщения с Богом. Всякая истинная молитва включает в себе три фазиса.

Первый фазис молитвы есть **общение**. Это значит, что душа находится в живом соприкосновении с Богом. Пролитая Христом на кресте Кровь

создает это живое наше общение с Богом. Она дает мне право приближаться к Нему чрез Господа Иисуса. Общение есть хождение с Богом. Это не значит что-либо просить у Бога: это значит просто **утешаться** Им, Его **любить**, о Нем **помышлять**, помышлять о том, как Он премудр, велик, силен, как Он исполнен любовью к нам; это значит безмолвно **беседовать** с Ним. Истинное поклонение Богу заключается в сознании того, как Он достоин, чтобы мы отдавали Ему все самое лучшее наше, в сознании, что все это так ничтожно пред величием Его. Общение это неминуемо влечет за собою с моей стороны исповедание грехов, со стороны же Божией прощение их, потому что только при таких условиях общение это может продолжаться. Поклонение, принесение Богу славы, относится к этому первому фазису молитвы. Общение есть основание всякой молитвы. Это неотъемлемое дыхание истинной христианской жизни. Общение касается двоих—Бога и меня, Бога и вас. Влияние его личное, субъективное: оно касается лично **меня, лично вас**.

Вторая стадия молитвы есть **прошение**. В узком смысле этого слова молитва просит того или другого для самого себя. Прошение есть определенная просьба к Богу о даровании того, в чем я имею нужду. Вся жизнь человека всецело зависит от благодеющей руки Божией. Все, нам необходимое, исходит от Бога. Дружба, способность зарабатывать деньги, здоровье, сила переносить искушение и скорбь, поддержка в трудные минуты и во всех жизненных обстоятельствах, всякого рода помощь в материальном, физическом, нравственном и духовном отношении,—все исходит от Бога, все требует непосредственного соприкосновения с Ним. Постоянный поток нужд возносится часто бессловесными молитвами к Богу, и в ответ ему струится к нам обратный поток даров Божиих, восполняющий все наши нужды. Дверь между Богом и нами должна оставаться всегда открытою. Ручка этой двери обращена в нашу сторону. С своей стороны Бог давно открыл дверь, упразднив закрывавшую ее ручку. Вся наша жизнь находится в зависимости от постоянного общения с нашим чудным Господом. Это второй фазис или вид молитвы. Он касается двоих: Бога и человека, имеющего дело с Богом.

Третий вид молитвы есть **ходатайство**. Истинная молитва никогда не останавливается на прошении чего-либо для себя. Она распростирается на других. Уже самое слово «ходатайство» заключает в себе понятие об искании чего-либо для другого. Молитва эта, как посредница, стоит между Богом и человеком, или не имеющим личного соприкосновения с Богом, или же нуждающегося в особенной помощи. В ходатайстве молитва достигает наибольшей духовной высоты; ходатайство есть высшее проявление, конечная цель ее вызывающих внутренних мотивов. Общение и прошение возносят ее вверх и низводят на землю. Ходатайство покоится на этих двух основаниях. Общение и прошение наполняют жизнь силою Божиею; ходатайство употребляет эту силу на пользу других. Два первые фазиса молитвы необходимы для нас самих; третий—для других. Молитва устанавливает тесную связь человека с Богом, и человек пользуется ею для блага других. Ходатайство—пышно цветущее растение, корни которого заложены и скрыты в двух прочих фазисах ее. **Это** тот вид молитвы, который помогает Богу осуществлять великий план любви Его—вернуть наш мир в подобающую ему сферу. Итак будем всегда помнить, что такое в сущности молитва. Дальнейшие мои слова будут относиться главным образом к третьему фазису молитвы, к ходатайству пред Богом за других.

Высший уровень молитвы.—Бог прежде всего стремится овладеть человеком, а затем, владея им, распределять свою силу чрез него между другими людьми. Бог всегда имеет относительно человека две цели: прежде всего—его самого, а затем—принесение им пользы другим. Общение и прошение

устанавливают связь человека с Богом и подготовляют его к выходящей за пределы его личных интересов форме молитвы—к ходатайству. Начинаться молитва должна в двух первых фазисах, достигать же своей наибольшей высоты—в третьем из них. **Общение и прошенне ограничиваются личными духовными потребностями человека; ходатайство обширно, как весь мир.** Всякая истинная, совершенная молитва непременно заключает в себе все три элемента. Обязательно должно существовать соприкосновение души с Богом; возникающие в ней нужды непременно должны ее побуждать приносить молитвенные прошения Богу. Но сердце истинного последователя Христова непременно заражается горячим сочувствием сердца Божия ко всему миру и жаждет молиться о нем. Ходатайство—высший уровень молитвы.

Многое можно сказать о влиянии молитвы на личность человека, приносящего ее, и на возможное действие ее на лица и события внешние. Вследствие этого два первые вида молитвы имеют характер субъективный, третий же характер объективный; но и в последнем случае молитва объективная невольно отражается и на личности, приносящей ее. Соприкосновение с Богом хотя бы и при ходатайстве моем за других не может не влиять на меня самого. Это как бы прикосновение к краю ризы славы Господней. Главная цель молитвы—вне нас самих.

Существует мнение, что особенное значение следует придавать молитве субъективной и умалять, даже совершенно отрицать ее благое влияние на других. Многие об этом говорят и пишут. По всей вероятности, люди эти искренно убеждены в том, что они утверждают; но они упускают сами из виду следующий факт: согласно явному свидетельству Свящ. Писания, вещи, не касающиеся человека лично, но относящиеся к общему порядку обстоятельств, случаются благодаря молитве, тогда как без молитвы их не было бы. Господь Иисус постоянно высказывал этот же взгляд. О несомненности влияния молитвы на окружающий мир говорит беспристрастный здравый смысл при виде очевидных последствий молитвы.

Неоспоримая очевидность этого факта свидетельствует о значении молитвы. Уже самое слово «молитва» заключает в себе понятие о том или другом изменении, достичь которого другими путями невозможно. Таким образом и с точки зрения Свящ. Писания, и с неумолимо строгой точки зрения философии, внешний мир составляет неотъемлемую цель всякой истинной молитвы. Отношение отдельной личности к личности других выражает собою высшее проявление великого плана любви Божией по отношению к погибающему миру.

Шесть фактических оснований молитвы.—Весьма важно отметить некоторые факты, лежащие в основании молитвы. Необходимо установить верный взгляд на ее значение. Всякий предмет можно изучать с различных точек зрения; поэтому следут выбрать одну из них. Иначе человек введен будет в заблуждение и получит неверное представление об изучаемом предмете. В настоящих моих беседах с вами я не задаюсь целью доказать непреложность изложенных в Библии истин или найти общий закон, их поясняющий: это составило бы тему для целого ряда новых бесед. Я намерен только утверждать, что все эти истины Свящ. Писания верны. И я рад, что дело это не превышает моих сил.

В древней Книге Божией мы встречаем постоянное повторение и утверждение некоторых фактов. О них упоминается в ее повествованиях, они вплетены в ее песни, они служат основанием пророческих книг, начиная с Бытия и кончая описанием видений ап. Иоанна на острове Патмосе. Они настолько общеизвестны, мы так к ним привыкли, что благодаря этому они, пожалуй, и забыты. Древние истины необходимо обновлять в памяти. Вот шесть звеньев единой этой цепи:

Во-первых:—«Господня земля и что наполняет ее» (Пс. 23, 1); Бог—Творец и Владыка ее. «Господь восседал над потопом, и будет восседать Господь царем вовек» (Пс. 28,10).

Во-вторых:—Бог вручил человеку владычество над землею (Быт. 1,26,28). «Поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его» (Пс. 8,7).

В третьих:—Человек, которому было поручено Богом владычествовать на земле, позорно передал это право другому, его обманувшему. Совершив этот поступок, человек вышел из повиновения Богу и подпал под власть сатаны, стремившегося взять в свои руки бразды правления землею. Благодаря человеку это ему удалось. Непослушание отделило человека от Бога и сделало его рабом сатаны, овладевшего землею.

Четвертый факт:—Владычество, господство над землею, в той мере, в какой Бог его отдал в руки человека, теперь Богу не принадлежит: отдавая его человеку, Бог от него отказался. Оно однако не принадлежит уж и человеку: человек его передал другому. Оно принадлежит сильному духу, изменнический характер которого оправдывает его имя: «сатана»—«ненавистник», «враг». Господь Иисус не раз говорит о «князе», т.-е. о имеющем власть правителе, «мира сего» (Иоан. 12,31; 14,30; 16,11). В книге видений ап. Иоанн говорит, что придет время, когда можно будет сказать: «Царство мира соделалось царством Господа нашего и Христа Его» (Откр. 11,15). Из этого следует, что в предыдущие этому сроку времена царство это принадлежит другому. Власть, господство над миром, дарованное Богом человеку, теперь принадлежит сатане.

Пятый факт:—Бог жаждал вернуть мир в его первоначальное положенне ради Самого Себя, ради человека, ради самой земли. Мы не знаем, каков был мир, непосредственно вышедший из руки Божией. И в настоящее еще время исполнен он чудес: сверкающие над ним звезды, растительная жизнь, воды, богатство красок, гармоничное сочетание всевозможных оттенков—все это несказанно прекрасно. Но мир не таков, каким он был, и не таков, каким он некогда сделается. Он утратил первоначальную свою красоту при господствующем в нем ныне правителе. Ева конечно не узнала бы в настоящем мире свое земное жилище, каким оно вышло из руки его Творца.

Бог жаждал отдать снова мир тому, кому он предназначил его с самого начала. Но для этого Ему нужен был человек, могущий его вернуть в прежнее состояние. Мир был дан человеку. Благодаря человеку он отпал от Бога. Человек должен и вернуть его Господу. И такой «Человек» пришел на землю, и вследствие того, что Господь Иисус был истинный «Человек», мы, упоминая о Нем, пишем это слово с большой буквы. Благодаря тому, что Он был совершеннее всех остальных людей в мире, Он неизмеримо выше их. Этот «Человек» должен был положить начало обращению мира в его первоначальное верноподданичество.

Шестой факт заключается в следующем:—Эти двое,—Богочеловек и князь-узурпатор,—вступили в жаркий поединок; никогда еще не было и не будет такой жестокой борьбы. Она началась у яслей Вифлеемских и длилась до крестных Голгофских страданий и дальше еще два дня. Тридцать три года велась эта беспримерная по своей жестокости и непримиримости борьба. Отец лжи и лукавства изощрял все свои силы, всячески стараясь нанести удар законному Владыке и в Назарете, и в пустыне, затем в Гефсимании и на Голгофе. И в один знаменательный день в три часа и еще некоторое время спустя «лукавый» надеялся, что победа в его руках. Небывалая радость царила среди слуг князя мира сего. Они думали, что победили Богочеловека, когда Он положен был в гроб, охраняемый стражею. Но наступило утро третьего дня, и узы смерти разлетелись в прах. **Господь Иисус**

воскрес; Он оказался Победителем, потому что они не могли **Его** удержать. Тогда сатана понял, что он потерпел поражение: Иисус, Богочеловек, законный Царь и Владыка, победил.

Заметим однако еще четыре важные факта относительно сатаны. Во-первых, он отказывается сознать себя побежденным. Во-вторых, он отказывается отдать захваченное им царство, пока он не будет принужден это сделать. Он отдает его только по необходимости и когда иначе поступить не может. В третьих, он находит поддержку своей самонадеянности в человеке. Человек добровольно отдает себя в его власть. Большинство живущих в наше время и во все времена на земле людей **дают сатане право** ими управлять. Только этим путем он получает над ними власть (сатана **не может**, а Бог **не хочет** войти в сердце человека помимо согласия человека). И в четвертых, сатана еще все надеется владеть землею вечно.

Великие предначертания Победителя.—И вот, затаив дыхание, вникнем теперь в факт, беспримерный и единственный: Владыка-Победитель войны не кончил; побежденный князь мира сего принужден таким образом не покидать поля сражения, потому что Победитель хочет одержать верх не только над ним, но победою над ним снова вернуть Его отвергший род человеческий к Отцу его. Правильный бой еще впереди, бой великий и определенный. Но самое решительное сражение уже прошло. В последующие бои Господь Иисус вступит, как Победитель. Тень поражения и позорного отступления будет отныне сопровождать сатану. Напрасно надеется он теперь найти себе могущего ему помочь человека, подобно Богу, пославшему в мир Господа Иисуса. Иисус-Богочеловек снисшел в мир для того, чтобы вернуть его Богу. И сатана прилагает все свои старания к тому, чтобы найти **человека**, существо, принадлежащее к роду, которому была вручена Богом земная власть, человека, который так же был бы предан интересам его, как Богочеловек Иисус, отстоявший права Божии. Ему нужен человек, который был бы его олицетворением, подобно тому, как Господь Иисус был олицетворением Бога, образом ипостаси Его. Когда ему удастся найти такого человека, тогда настанет последний отчаянный кризис на земле.

Все это указывает на задачу и цель молитвы: Человек, существо из рода, которому Бог, при сотворении его, поручил хранить землю, и который предательски передал ее сатане; человек, живущий на земле, несчастной, от Бога отнятой, оскверненной грехом, находящейся под Божьим проклятием, оспариваемой у Бога сатаною земле; живущий на земле человек, всеми фибрами своей духовной жизни пребывающий в полном единении с Победителем и вышедший из повиновения князю-узурпатору,—призван непосредственно молиться о том, чтобы сатана шаг за шагом отступал пред Господом Иисусом, Победителем. Иисус—Победитель. Сатана это знает и боится Его. Он должен отступать пред Ним и пред тем человеком, который живет на земле для Господа Иисуса. И он действительно пред ним **отступит**. Неохотно, с негодованием, как можно медленнее, упорно цепляясь за каждый вершок земли, принужден он разжимать свою руку и, возвращая предательски им захваченное, отступать пред Победителем и пред служащим Ему человеком.

Христос сказал: «Идет князь мира сего; и во Мне не имеет ничего» (Иоан. 14,30). Если и вы и я, смиренно, всецело и исключительно рассчитывая на благодать Божию, но с твердым решением согласовать нашу волю с волею Господнею, скажем: «Хотя князь мира сего и идет, он ничего не будет иметь во мне; в моей жизни не окажется ничего, дающего ему возможность на меня опереться», тогда мы заставим сатану отступить и получить то, о чем мы молимся,—победу во имя «Победившего мир».

* * *

Блажен, кто молиться умеет
Молитвой от сердца живой,—
Тот духом всегда пламенеет
И светел, как ангел, душой!

Пред ним все греховные рати
Дрожат, как пред нашим Христом,—
В том чувство живет благодати
С небесным, бессмертным огнем.

В нем радости солнышко светит,
Лаская лучами других;
За ним уж никто не заметит
Поступков неверных и злых.

Живет он по Божию Слову,
Под знаменем Крови святой,
И душу имеет Христову,
И чудный сердечный покой.

И с гимном хваленья шагает
Вперед к совершенству Христа;
Житейского зноя не знает,
Укрывшись под тенью креста.

Над плотью господствуя смело,
Он правдой небесной цветет,—
Не любит бесплодное дело,
В познаньи Голгофы растет.

Блажен, кто молиться умеет
Молитвой от сердца живой,—
Успех он чудесный имеет
В делах своей веры святой!

Лицо его счастьем сияет,
Ко всем он приветлив всегда,
Дракона-лжеца попирает,
Не делает ближним вреда.

N. N

„НЕ БОЙСЯ, НО ГОВОРИ !

„Господь же в видении ночью сказал Павлу: не бойся, но говори и не умолкай; ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла; потому что у Меня много людей в этом городе".—Деян. 18, 9—10.

Из этого мы видим, что даже апостол Павел, стоявший наравне с главными апостолами, нуждался в особенном подкреплении. Самый мужественный человек может иногда испытывать чувство страха. Оно было знакомо даже Самсону, хотя ему не трудно было поразить и целую тысячу врагов. Моисей впадал в уныние в пустыне; Давид унывал, будучи царем. Железо плавится; тем более может истаивать сердце человеческое. Вспомним малодушие пророка Илии, когда он говорил: «Возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих»—3 Цар. 19, 4; а между тем, человек этот был смел, как лев; с пламенным рвением служил он Господу. Второй Илия, не побоявшийся открыто обличать Ирода, проходил чрез мучительные сомнения, находясь в темнице, Иоанн Креститель послал двоих из учеников своих спросить Христа: «Ты-ли Тот, Который должен притти?» Эти герои веры, неустанно боровшиеся за истину, проходили чрез такие же искушения, которые ведомы и нам; некоторые же из них обладали особенной чуткостью чувств.

Лютер сказал: «Так как я кажусь другим всегда бодрым и радостным, люди думают, что мой путь усеян розами; но Богу известно, что я переживаю». Никто быть может не испытал такой глубокой духовной радости и такого сильного отчаяния, как этот мужественный человек, потрясший папскую власть до самого основания. Страшиться склонен был даже и апостол Павел. В одном из своих посланий Он говорит: «Когда пришли мы в Македонию, плоть наша не имела никакого покоя, но мы были стеснены отовсюду: отвне—нападения, внутри - страхи»—2 Кор. 7, 5.

Поэтому, дорогой мой брат, или дорогая моя сестра, если, работая для Христа, ты иногда впадешь в уныние и почувствуешь отвращение к самому или к самой себе, не думай, что ты проходишь чрез искушение, неведомое сынам Божиим. Это не так. Страх знаком всем им без исключения; малодушие свойственно было всем им. Страх, подобно царящему в пустыне туману стелется по всему саду Господню, и нет в цветниках его ни единого цветочка, которому не пришлось-бы склонить подчас свою головку под гнетом ледяной росы.

Ч. С.

---

* * *

К труду! Ты слышишь глас призывный?
Спеши, спеши, мой друг, к труду!
Христос зовет на подвиг дивный;
О, обратись скорей к Нему!
К нему за помощью, бессильный:
Проси, чтоб силы дал тебе,
И Он пошлет дар изобильный:
Христос—помощник нам в труде.
О брат! спеши: ты слышишь—стонут.
То души гибнущих друзей;
В волнах греха они потонут.
Они ждут помощи твоей.
Пусть волны зла, гроза сомненья
Тот вопль души не заглушит:
Подай же руку для спасенья:
Ты должен ближним послужить
Ты должен с радостью стремиться
Хотя тернист и труден путь,
И много в жизни потрудиться,
Чтоб там, на небе, отдохнуть.

В. И. Ф.

ЭКЗЕГЕТИКА *).

ТОЛКОВАНИЕ КНИГИ БЫТИЯ.

В. И. Быков.

Принципы церкви.

(Матф. 16, 13—19).

Предварительное замечание.

Вопрос о принципах Церкви, об ее истинной природе, очень важен; около него велись и ведутся ожесточенные споры; большие исторические «церкви», а также многочисленные секты древности и современности горячо спорили и спорят за монополию быть «истинною церковью». Однако, по сие время многие спрашивают: «Какая-же церковь истинная? Где истинная Церковь»?

Ясно, что самая наличность таковых непрестанных споров красноречиво говорит о жгучести вопроса. Из последующего мы увидим, если только Господь благословит наш разбор, что вопрос о принципах Церкви действительно крайне важен для жизни каждого человека.

Размышляя о природе этого замечательного учреждения на основании Слова Божия; работая в этой области; присматриваясь к различным «церквам» современности, мы приходим к заключению, что принципы Церкви, ее истинная природа, с удивительной глубиною и полнотою открыты нам Иисусом Христом в его беседе с учениками в странах Кесарии Филипповой; эта беседа описана Матф. 16, 13—19.

Необходимо, однако, отметить наперед одну особенность этой беседы. Существует особая наука о развитии зародышей — эмбриология. Человеческий зародыш в первые месяцы своей утробной жизни, конечно, далеко не похож на взрослого человека. Однако, при внимательном его изучении, оказывается, что зародыш имеет все характерные черты взрослого существа.

Точно так и в названной беседе Иисуса с Его учениками мы видим духовным оком Церковь в самом ее зародыше, и вдумчивое изучение этого места обнаруживает нам все характерные черты Церкви. К такому микроскопическому исследованию данного текста мы и приглашаем всех слушателей и читателей.

Итак, приступим к благоговейному размышлению над этим местом.

Замечательная связь.

Вдумываясь в указанную беседу, мы прежде всего видим в ней два факта, резко бросающихся в глаза: во-первых, Иисус открыл Свое *намерение «создать Церковь»;* во-вторых, вопрос о Церкви тесно неразрывно связан с вопросом о нашем личном отношении к Иисусу Христу. Отношение отдельного человека к личности Иисуса крайне важно для выяснения самого факта — принадлежит-ли данное лицо к Церкви или нет. Друг, слушатель и читатель, заметь это и проверь себя.

Люди плоти и крови.

Беседа начинается вопросом Иисуса: «за кого люди почитают Меня»? Из ответов оказывается, что мнения людей о личности Иисуса в то время, то-есть у Его современников, были весьма разнообразны; ученики Иисуса Христа указали на следующие о Нем мнения:

*) Христианин № 1-й 1927 г.

а) Некоторые почитали Иисуса за Иоанна Крестителя; таково было, например, мнение Ирода, который обезглавил Иоанна Крестителя.—Матф. 14, 1—2. Замечательно, что Ирод и некоторые с ним верили в воскресение мертвых; этим они превосходили Саддукеев.

б) Другие почитали Иисуса за пророка Илию. Опять замечательно, что таковые люди хорошо знали Писание, конечно Ветхого Завета; до некоторой степени они верили в него и даже ожидали исполнения некоторых пророчеств, например: Малах, 4. 5.

в) У некоторых людей была даже догадка о том, что Иисус есть Христос—Матф. 12, 23. Эта догадка высказывалась ими робко, в вопросительной форме.

Что можно сказать обо всех этих группах людей? Это люди религиозные; они в различной форме знают Писание, верят в него, хотя, вероятно, только частично; верят в воскресение мертвых; даже доходят до робких догадок, что Иисус есть Христос.

Однако, их суждения Иисус признал недостаточными; Он определил, что их суждения продиктованы «плотью и кровью» (17 ст.). В этих словах Иисуса сокрыт страшный смысл. Ап. Павел пишет так:

«Плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия» — 1 Кор. 15, 50.

И понятно, почему это так. Религиозность указанных людей была чисто внешняя; их жизнь была полна самых тяжких грехов: Ирод отнял жену у своего родного брата и был истинным виновником смерти Иоанна Крестителя; книжники были лицемеры, и так далее.

Иисус назвал всех этих людей просто одним словом «люди», в смысле «плотских людей», в смысле «мир». Изо всей беседы ясно, что они к Церкви не имели никакого отношения.

Земная жизнь Иисуса была полна таинственного смысла; при всей своей реальности, она полна чудного символизма. Так и в данном случае: беседа Иисуса с Его учениками о Церкви происходила в пустынной местности. Те люди, мнения которых мы только что разобрали, *не были с Иисусом* при этой беседе; они были где-то там, вдали от Него; это не случайность. Ирод, книжники и многие другие, все плотские люди, *были далеко от Иисуса* во время Его беседы о Церкви; если их отношение к Иисусу Христу не изменится, то не будут они с Ним и в вечности. Им угрожала вечная гибель.

В настоящее время мнения людей об Иисусе стали более разнообразны. К вышеуказанным можно добавить, например, следующие:

В наши дни некоторые почитают Иисуса только за социального реформатора; другие—только за возвышенного моралиста; третьи считают Его просто за миф, вымысел.

Признавая некоторую ценность за первым и вторым мнениями, мы, однако, людей с такими взглядами не можем отнести к Церкви.

Дорогой друг-слушатель! Если твое мнение об Иисусе подобно вышеуказанным, то знай, что ты не принадлежишь к Церкви, а потому твое положение крайне опасно. Тебе необходимо в корне изменить его.

Ученики Иисуса.

В нашем тексте говорится о группе людей, окружавших Иисуса; они названы Его *учениками*. Иисус задал им тот же вопрос. Ответ получился весьма замечательный: они почитают Иисуса за *Христа*, т. е. *Мессию*. (Иоан 4, 25). *Помазанника*, обещанного *Спасителя* мира; следовательно и за своего *личного* Спасителя. В их жизни был тот радостный день, когда они могли сказать другим: «мы нашли *Мессию*». Так было с Андреем (Иоан. 1, 41); так было с Филиппом (Иоан. 1, 45) и со многими другими (Иоан. 4, 29). Они искуплены Христом (1 Петра 1, 17—21).

Они верят в живого Бога, не в отвлеченного, умственного, в живую личность, которая близка к нам. Они выполнили истинную *цель* человеческой *жизни:* «Искать Бога, не ощутят ли Его».—Деян. Ап. 17, 26—28.

Они почитают Иисуса за *Сына Божьего*, каковым Он и является в действительности. Таково мнение об Иисусе у всех людей, которые на основе веры соприкоснулись с Ним.

Таков слепорожденный — Иоан. 9, 35—38.

Таковы люди, бывшие в лодке — Матф. 14, 33.

Евангелие достигло в них своей цели — 20, 31.

Мы не можем не заметить того факта, что ученики Иисуса окружают Своего Учителя; находятся вместе с Ним всюду; они будут и в вечности находиться вместе с Ним.

Над ними сбываются слова — Матф. 18, 20. — «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Иоан. 10, 27 «Овцы Мои... идут за Мною«. Иоан. 14, 3 — «Возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я».

Устав Церкви Христа.

Когда было выяснено отношение к Иисусу 2-х категорий людей, именно «МИРА» (плоти) и *учеников,* Он чудным образом, в сжатой форме, изложил как бы устав Своей Церкви. Можно с ясностью усмотреть здесь все основные черты Церкви, подробно потом развитые и указанные в других местах Писания.

В разбираемой беседе эти черты даны в первоначальной форме, но они все-же явственно выступают наружу. Черты эти следующие:

1) Церковь есть собрание *искупленных душ:* Церковь... εκκλησια... есть собрание душ, имеющих именно таковое исповедание, как высказано было Его учениками. Когда Евнух пожелал креститься, то он высказался так: «верую, что Иисус Христос есть Сын Божий» — Деян. Ап. 8, 37.

Придет время, когда Церковь будет петь чудную хвалу Своему Господу: «Ты был заклан. и Кровью Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка и народа и племени» — Откр. 5, 9.

Прообразом Церкви был Израиль; он составлял также «общество», «собрание» людей, *выведенных* — искупленных из Египта.

2) Церковь слагается из единиц, из *отдельных* душ, *персонально,* а не в массовом порядке. Это свойство Церкви проявилось замечательным образом в том факте, что беседа Иисуса была в сущности, диалогом, т. е. беседою 2-х личностей — Его и одной души. Христос имеет дело с каждою душою в отдельности.

Конечно, возможны массовые обращения людей, массовые пробуждения душ, но каждая душа должна *лично* стать в такое отношение к Иисусу, в какое стал Петр. Есть многое в жизни человека, что каждый должен пережить, проделать, исполнить лично сам, чего не могут сделать за него другие, например: кушать, пить, научиться читать и т. д. Найти Христа, это задача каждого; только из таких душ и слагается Церковь.

Некоторые души переживают этот факт личного уверования во Христа с великими впечатлениями, а другие, например некоторые дети верующих родителей, переживают это весьма тихо. Но важно только стать в правильное личное отношение к Иисусу.

Друг! как *Ты* себя чувствуешь в этом отношении? Нашел ли *ты* лично в Иисусе своего Спасителя? Сына Бога живого? Если нет, то поспеши это сделать.

3) *...Блажен ты Симон...*

Души, принадлежащие к Церкви, *блаженны.* Люди, принявшие Христа верою, начинают *радоваться*; они с радостью входят в Церковь Христа, с радостью в ней пребывают, с радостью будут в вечности.

Лук. 15, 24. ... «И начали веселиться»...

Деян. Ап. 8, 39. ... «И продолжал путь радуясь»...

Дорогой друг, если ты в своей Церкви никогда не ощущал сердечной радости, блаженства, то призадумайся: почему это?

4) ...Не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой... Церковь—*мистична.*

Церковь Христа есть Церковь *откровений* Божиих.

Откровение необходимо, чтобы *уразуметь Писания*—Лук. 24, 45; чтобы принять Евангелие — Деян. Ап. 16, 14; чтобы познать Иисуса Христа, как своего Спасителя; одним словом, чтобы войти в Церковь—Матф. 11, 25—27; Иоан. 3, 8. Откровения Божии сопровождают путь истинного ученика Иисуса.

5) *...ты - Петр.*

Иисус дал Своему ученику новое имя. Имя, употребляемое в Писании, обычно указывает, выражает, характер, природу человека. Примеры: Быт. 1, 20; 4, 1; 4, 25; 5, 29; 9, 20; 17, 5; 17, 15.

Перемена имени указывает на *перемену природы, на возрождение.*

Церковь состоит только из возрожденных душ — Иоан. 3, 3—8.

6) *...на сем камне...*

Пока мы все время говорили об отдельной душе, об ея отношении ко Христу. Однако отдельные души, пережившие все вышеуказанное, призваны к общению друг с другом; они образуют чудное общество, именуемое Церковью.

Как часто один брат или сестра являются чудным начатком в своей стране. Петр—и 3.000 в Иерусалиме, потом — Корнилий и язычники. Души, возрожденные к новой жизни, т. е. верующие в искупление Христом; познавшие радость спасения, составляют чудное целое, которое в Писании именуется «*домом духовным*» (1 Петр. 2, 5), построенным из «*живых камней*».

Современное естествознание позволяет нам понять, хотя отчасти, силу и смысл сего сравнения. Физические организмы состоят из огромного количества «живых клеток».

Есть организмы одноклеточные, но обычно они представляют собою огромные *колонии живых клеток*. Таким образом, искупленные души составляют чудный, таинственный организм; порознь каждая душа является «*клеткою*», а весь организм составляет Тело Христово, Церковь.—Деян. Ап. 9, 4.

Даже в мертвом, материальном мире мы видим удивительный пример такого единения. Это — магнитный спектр. Железные опилки располагаются около магнита по некоторым определенным кривым, примыкая друг ко другу и к магниту. Невидимые магнитные силы объединяют эти железные частицы в стройную картину. Так и отдельные души, спасенные Христом, напоенные одним духом, одною любовью, составляют единое целое — Церковь. — Ефес. 2, 13; 5, 30—32; 4, 15—16.

7) *...Я создам Церковь Мою...*

Церковь является учреждением; многие считают ее чисто человеческим учреждением, но это глубокое заблуждение.

Церковь есть создание Самого Господа Иисуса Христа.

Он говорит: «*Я создам*». Это Его намерение, Его план; поэтому, этот план должен был осуществиться; так и случилось.

Как чудно сознавать, что Церковь есть *дело рук* Иисуса, что и ныне она употребляется и поддерживается Им Самим.

Возникает вопрос: «почему тогда Иисус сказал: «Я создам»? Почему Он выразился формою будущего времени?»

Теперь нам совершенно ясен ответ на этот вопрос: Ему предстояло предварительно пострадать на Голгофе. Он приобрел Церковь Себе Кровию Своею, — Деян. Ап. 20, 28.

Речь Ап. Петра на Иерусалимском соборе, Деян. Ап. 15, 7—9, указывает с замечательной ясностью на эту созидательную деятельность Господа в деле Его Церкви (избрал, Сердцеведец, дал, даровал, не положил, очистил и др.).

В Деян. Ап. 2, 47 мы читаем: «Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви».

8) *...врата ада...*

Этими словами Христос предсказал, что Его Церкви предстоит борьба, духовная война; при чем противниками будут силы самого ада. Что скажем мы об этом пророчестве Иисуса? Оно исполнилось и исполняется поразительным образом. В самом скором времени после возникновения Церкви началась страшная война против нее; полилась кровь мучеников, начиная со Стефана; иудейство и язычество объединились и пошли вместе против Церкви. Эта война с вратами ада наполняет *историю* Церкви, но здесь не место для рассказов об этой войне.

Апостол Павел, некогда участник этой войны со стороны ада, писал потом так — Ефес. 6, 10—18.

Были времена, когда силы ада совершали особенно ожесточенное наступление на Церковь — Откр. 2, 8—11 (Смирнская церковь).

9) *...не одолеют ее...*

Христос предсказал Своей Церкви *победу*.

Действительно так это и есть. Она стояла и стоит непобедимою. Рим. 8, 35—39. Вспомним о самом Петре. Врата двора первосвященника, где Петр отрекся от Иисуса, были для него вратами ада; но, благодарение Богу, они не поглотили его. Замечательно, когда церковь наслаждалась миром, то она возрастала — Деян. 9, 31.

Когда начались гонения, то Евангелие также распространялось. Деян. 8, 3—4.

Христос сказал Своим ученикам — «не бойся, малое стадо». Лук. 12, 3 '.

10) *...ключи царства небесного...*

Церковь имеет поручение от Господа работать в деле спасения душ.

Церковь есть *миссионерское* учреждение. Исповедание веры, как сделал Петр, проповедь Христа распятого, есть задача Церкви во свидетельство грешникам. Господь дал Своей Церкви власть «разрешать, развязывать». Что это значит? Примеры нам объясняют лучше всего, и именно из деятельности самого апостола Петра:

1. проповедь в Иерусалиме — Царство Небесное было развязано, открыто для евреев;

2. Проповедь для язычников (Корнилию и др.).

3. Собор в Иерусалиме (верующие из язычников были освобождены от обрезания и т. д.).

В *заключение*, вполне естественно попытаться сопоставить рассмотренный «Устав Церкви» с уставами человеческих учреждений. Что же оказывается?

В этом «Уставе» отчетливо выяснены следующие стороны Церкви, как учреждения:

1. Состав Церкви (пункты 1, 2, 3, 4 и 5); 2. Строение (п. 6); 3. Учредитель (п. 7); 4. Отношение к Церкви иных сил (п. 8); 5. Успех (п. 9), вместо пункта о ликвидации, который имеется в уставах всех *человеческих* учреждений; 6. Цель (п. 10).

Замечательно, что половина всех пунктов приходится на «состав» Церкви; отсюда ясно, что Церковь не составляется, как попало, а слагается в крайне строгом порядке, который мы и рассмотрели ныне.

Дорогая душа! Тебе предлагается теперь поверить в Иисуса и получить чудный жребий с освещенными в Его Церкви.

ЦЕРКОВЬ ХРИСТОВА.

„... на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее".
Матф. 16, 18.

Настало то время, когда избавленье
Великий Господь ниспослал для людей,—
И вот с высоты лучезарных селений
Явился Сын Божий в мир слез и скорбей.
Он здесь, на земле, и страдал, и томился,
Боролся со злом, побеждал сатану;
И в теле божественном, нежном и чистом,
Христос пережил всю людскую нужду.
И после трудов, всех лишений, страданий
И часа последней жестокой борьбы,
Сын Божий был распят, и крест деревянный
Позором стоял на вершине горы.
Но вот Он окончил великое дело—
Спасенье свершилось для грешных людей;
Свое назначенье свободно и смело
Исполнил Он в мире греха и скорбей.
И вот, после этого славного дела
Он снова вознесся к Отцу в вышину,
Но здесь, на земле, остается заветный
Круг Божьих детей для служенья Ему.
Вознесшись на небо, Сын Божий оставил
Жемчужину ценную ту, что нашел
Он в мире греха, и ее здесь поставил
Как светоч во тьме, и как цвет средь шипов.
Одиннадцать светочей в мире остались;
Тяжелая им предстояла борьба,
Но их с каждым днем все число прибавлялось,
И Церковь Христова росла и росла...
О, древняя Церковь, Апостолов время,
Ты много страдала, ты в муках была;
Тебя предавало враждебное племя
На смертные пытки и пламя огня!
Детей твоих мучили в тюрьмах суровых,
Бросали их в пламя Нерона костров;
И зрелищем были они для народа,
Служили добычею яростных львов...
Но вот миновало язычников время,
И мир „христианский" его заменил;
Но Церковь Христова все также терпела,—
Ей скорбную участь никто не сменил.
Мы видим детей ее также в изгнаньи,—
Пред нами Ян Гус на позорном костре;
А вот в подземелье снимает дознанье
„Святой" инквизитор с каких-то людей.
Назавтра те люди пойдут пред толпою,
Оденут на них санбенито, колпак,
На ауто-да-фé поведут; уж готовят
Большие костры, и тела их сгорят.

Когда же большое могучее пламя
Любовно обнимет тщедушны тела,
Поднимется выше кровавое знамя—
„Мы казнь совершили во имя Христа!"
Когда же, когда за все злодеянья,
За все совершенные казни и кровь
Придет от Тебя, наш Господь, воздаянье,—
Доколе Ты будешь являть все любовь?
Страдаем, томимся мы в мире суровом;
Нас гонят, нам место здесь нет на земле;
Но мы им платили все время любовью—
Они ж воздают, как воздали Тебе.
Ведут нас на смерть, прикрываясь Тобою
Во имя Твое зажигают костры;
Проклятья возносят, и страшной хулою
Последний наш вздох провожают они.
Проходят века, изменяется время,
Власть римского папы упала совсем;
Встает перед нами варяжское племя,
И русский народ уж пред нами теперь.
„Святая Русь" крепнет, растет Государство;
Как много в нем храмов и „Божьих церквей";
Наверно здесь Церковь Христова не мало
Имеет своих искупленных детей?
Увы, — им нет места в „святом Государстве"—
Их гонят далеко, в холодны края;
Их вера „чужая", вредна и опасна,—
Они разложенье в стране лишь творят.
Пред нами — деревня. Вот в хате убогой
Сидят за столом отверженцы людей;
Закрыты подушками наглухо окна—
Одно лишь спасенье от вражьих камней.
В их лицах не видим мы страха, страданья,
В глазах их горит лучезарный огонь;
Молитва горячая к Богу взлетает,—
И слышит детей Своих любящий Бог.
Глухая Сибирь. По морозному снегу
Толпа арестантов идет в кандалах;
Не слышим от них мы веселого смеха—
Тоска, безнадежность в их скорбных глазах.
Но вот среди этих преступников темных
Есть светлые лица, с надеждой в глазах;
Ужель эти люди в Сибири суровой
Все также хранят мир и радость в сердцах?
Ведь их разлучили с любимой семьею,
Их сироты дети, жена же—вдова;
Навеки простились с родной стороною
И связи порвали они навсегда.

Т. Кащавцева.

ИСКРЕННИЕ УКОРИЗНЫ.

Ч. Спёрджен.

„Искренни укоризны от любящего".
Пр. Сол. 27, 6.

Пребывание в греховной смерти для нас, к счастью, уже окончилось. Божественная благодать оживила нас; небесная охрана не покинет нас, и верные обетования Божии сделались залогом нашего духовного бессмертия. Теперь долг наш — благоговейно преклониться пред Любовью, которая, когда мы были еще мертвы по грехам нашим, изыскивала способы, чтоб облагодетельствовать нас и которая в свое время соделала нас собственностью Бога Всемогущего, причем мы получили жизнь вечную.

Чтобы вознести к небесам сердца наши, чтобы уста наши исполнились песнию хвалы, с помощью благодати Духа Святого, припомним путь, которым Господь привел нас к Себе.

Как мы, так и многие из читателей наших, того мнения, что прежде всего любовь Господа Иисуса к нам проявилась в „укоризнах" искреннего Друга нашего, нас обличившего во грехе. Хотя в то время мы не знали, что всякий удар, нас постигавший, наносился из любви, теперь мы видим, что именно этим путем милосердый Спаситель наш вел нас к Себе. Римский император, отпуская раба на свободу, ударял его по уху; Господь Иисус, даруя нам свободу, наносит удар нашему сердцу.

I. Прежде всего остановимся на том факте, что **все искупленные испытали в сердце своем „укоризны", обличения.** Ни в воинствующей, ни в торжествующей церкви не существует ни одного верующего, получившего новое сердце и освобождение от рабства греху, и не испытавшего на себе обличения со стороны Господа Иисуса. Боль была быть-может незначительна, и рана быть-может скоро зажила; но ушиб должен был быть в каждом отдельном случае исцелен рукою небесного Врача.

1. Некоторые из нас почувствовали **рано** в жизни своей эти укоризны совести: потому что, как только детство сменилось отрочеством, жезл обличения был применен к некоторым из нас. Мы можем припомнить полученное нами в раннем возрасте обличение в грехе, и пробудившееся наше опасение гнева Божия за этот грех. Пробужденная совесть наша в годы самого нежного нашего возраста подвела нас к престолу благодати. Хотя мы и не знали руки, поражавшей наш дух, мы все-же несли „иго в юности своей" (Пл. Иер. 3, 27). Сколько, увы, светлых надежд погубили мы, следуя вожделениям плоти нашей; и вместе с тем, сколько раз были мы „вразумляемы сновидениями", устрашаемы с нами, когда—или упрек со стороны родителей, или смерть товарища, или может-быть, серьезная проповедь нас захватила за сердце. Поистине вся наша добродетель была „как утренний туман, и как роса, скоро исчезающая" (Ос. 6, 4). Но кто учтет ту пользу, которую такие отдельные угрызения совести после нарушения нами нравственного закона приносят нашей душе? Угрызения, ясно свидетельствующие о работе Бога в сердце нашем? Во всяком из этих обличений мы открываем присутствие милостивых предначертаний Господних; всякое из этих предупреждений мы приписываем руке Его, распростертой над нашим путем и решившей избавить нас от грехов наших. Время этой внутренней борьбы было необходимо для нас: почва нашего сердца подготовлялась к принятию семени.

Не будем умалять значения духовной борьбы в сердцах молодежи; детские страхи и раскаяние юношей драгоценнее, нежели мы думаем. Тот, кто не придает значения уступкам, делаемым нежною совестью ребенка ухищрениям лукавого, совершает великий грех. Никто не может сказать, с какого возраста ребенок несет ответственность и кару за свои поступки, в какие лета дитя может обратиться к Богу. Мы, с своей стороны, свидетельствуем, что благодать производит свое действие на ум и сердце ребенка в возрасте, едва способном запоминать происходящее. Да не подумает также кто-либо, что чувства человека молодого — поверхностны и скоропроходящи: иногда они отличаются большою глубиною. Укоризны, делаемые Спасителем в ранние годы, западают в сердца, еще не успевшие окаменеть под влиянием светскости и чувственности. Христианин, на долю которого выпало ощутить укоризны совести в детстве, хорошо, на всю жизнь, запомнит это.

О, возлюбленные, как много у нас есть причин благословлять Господа Иисуса и казнить самих себя! Не заглушали ли мы голоса совести и вслушивались ли в упреки ее? Не были ли мы глухи к предостерегавшим нас увещаниям нашего чудного Спасителя? Когда Он больно поражая нас жезлом, мы не лобызали благоговейно этот жезл, но уподоблялись не привыкшему к игу волу. Все наши наилучшие обеты нами вскоре нарушались; наши усердные молитвы прекращались с исчезновением окружавшей нас тесноты; и наше относительное исправление было подобно сновидениям ночным. Благословим

Его за то, что в конце концов Он нанес решительный удар нашему сердцу; и никогда не перестанем поражаться долготерпением Его, преодолевшим наше упорство, и совершим предначертания Его любви.

2. Многие из искупленных Божиих сильно почувствовали удары жезла Божия. Существует особенная градация в горечи сокрушения сердца о грехе; не все переиспытали ужасные предчувствия духовной гибели; но некоторые души вкусили всю горечь и желчь покаяния. По большей части это относится к людям, бывшим великими грешниками, или же к людям, сделавшимся впоследствии великими святыми. Они много любят, потому что они чувствуют, как много им прощено; страшные узы рабства увеличивают их благодарность за обретенную ими славную свободу; и глубокая собственная духовная нищета возвышает для них ценность сокровищ Христовых. Таким образом печаль оказалась для них благословением; но в минуту перенесения ее она является истинной печью огненной. Тот, кто испытал на себе настойчивость обличений совести, не забудет их гнета до самой смерти. Хорошо поступают некоторые из нас, припоминая времена, когда „истинный Друг наш" наносил, по тогдашнему нашему мнению, жестокою рукою Своею удары нашему сердцу. В то время радость наша обратилась в плач, песни наши — в сердечное сокрушение, смех — в вздохи, и веселие — в горе. Черные мысли овладели нашей омраченной душой, — воображение усиленно рисовало картины беспросветные и безотрадные, — и все это вместе переносило нас как бы в преддверие ада. В такие минуты молитвы наши были действительно усердны, если только мы вообще могли тогда молиться, но подчас сознание ужасной вины связывало нам уста. Изредка слабый луч надежды прокрадывался нам в душу, чтоб только сгустить мрак, когда луч этот исчезал. Чем ближе подходили мы к Господу, тем (так нам по крайней мере тогда казалось) непреклоннее становился Он; чем серьезнее была наша решимость исправиться, тем сильнее становились удары нас поражавшего бича. Закон держал нас в своей власти железною рукою и бичевал нас, изливая на нас всю свою месть; потоками слез омывала совесть дрожавшую от страха плоть; уныние повергло нас на жестокое ложе, от которого стонали все кости наши. Ночью стращали нас сны, угрожавшие нам мучениями. Напрасно обращались мы к Моисею, моля его умилостивить разгневанного Бога; напрасно старались обетами снискать прощение Его; „Стенорушитель" (Мих. 2, 13) ударял тяжелым молотом по сердцу нашему. Мы не дерзали прикоснуться к краю ризы Его, потому что в ушах наших звучали слова: „Отойдите от Меня!" Ужасная картина ожидавшего нас суда возбуждала в нас всякого рода страхи, опасения, отчаяние и уныние.

Бёртон живыми красками описал состояние душ, находящихся под гнетом вины: „Страх лишает их самообладания, сгущает кровь в жилах, ослабляет мысль, влияет на их образ мыслей".—„Даже среди своих любимых удовольствий—пения, танцев, пиров",—говорит Лемниус—терзается душа их. „Они обращаются в ничто". „Я уподобился пеликану в пустыне",—говорит Давид в минуту огорчения души, — „как филин на развалинах... от негодования Твоего" (Пс. 10, 7—8, 11). „Сердце мое трепещет во мне, и смертные ужасы напали на меня; страх и трепет нашел на меня, и ужас объял меня" (Пс. 54, 6). „От всякой пищи отвращалась душа их" (Пс. 106, 18). Сон их (если они спят) беспокойный и сопровождается всякого рода страшными кошмарами. Ап. Павел спокойно спал в темнице, потому что он себя сознавал под защитою Божиею. Все мученики первой Церкви изобиловали радостью среди их окружавших притеснений; не то можно сказать о людях, чувствующих свою виновность: они не знают ни сна, ни отдыха; ни на чем отрадном не останавливается их мысль, совесть их не оставляет их в покое; даже когда им ничто не угрожает, они дрожат от опасения себя выдать. Так Каин думал, что всякий готов убить его. „Весь день, сетуя, хожу", говорит Давид. „На что дан страдальцу свет и жизнь — огорченным душою, которые ждут смерти, и нет ее, которые вырыли бы ее охотнее, нежели клад, обрадовались бы до восторга, восхитились бы, что нашли гроб", рыдает Иов (3, 20—28). Они обыкновенно устают жить. Вирнус пишет: „Многие отказываются от пищи и питья, не находят нигде покоя, все преувеличивая и находя обиды там, где их нет". Гнет гнева Божия тяготеет над ними, и молитвы, с которыми они обращаются к Иисусу Христу, не приносят им облегчения: невыносимые угрызения совести мучат их, и это заставляет их роптать на Бога, и обвинять Его в жестокости. Иногда они, не выдерживая такого состояния, лишают себя жизни.

Некоторые из наших читателей найдут, быть-может, все эти краски сгущенными. Мы ни минуты не утверждаем, что все, или большинство из верующих — обязательно должны были пройти по такому беспросветно-темному пути, усеянному такими же ужасами; но те из нас, которые испытали на себе хотя бы нечто подобное, не сочтут слов наших преувеличенными. Мы говорим все это на основании духовного опыта наших прихожан. Многих из них видели мы именно в таком положении; и мы верим, что Христос употребил нас, как орудие Свое, для того, чтобы вывести их на свободу.

Такие ужасы не всегда связаны с покаянием, но часто они его сопровождают. Да не унывает же сердце, погруженное в данную минуту в бездну отчаяния: бездна эта приходится как раз на середине пути, и самые опытные путешественники подчас в нее

попадали. Ты не в исключительном положении, душа унывающая; а даже еслиб это так и было—нечего тебе отчаиваться, потому что для Бога не существует ничего невозможного, и благодать Божия не требует заслуг с нашей стороны. Темная туча, висящая над нами, не доказывает еще того, что солнце потеряло свой свет, и жестокие укоризны совести твоей еще не доказывают, что милость Божия прекратилась. Пусть гремят раскаты гнева, пусть гибель устрашает нас, — благость Божия сильнее их. Одно слово Господа нашего может утишить волны и ветры. Укройся под древом жизни, и ни одна капля гнева Божия не упадет на тебя. Не бойся подойти к этому древу, потому что охраняющие его херувимы не остановят тебя на пути, но будут приветствовать твое приближение к нему. О, выйди из мрачного отчаяния, не ожесточай своего сердца, ведь это „любящий" Друг укоряет тебя! Он уже расплавил тебя в горниле страдания, и теперь ударами молота Своего чеканит тебя. Еслиб Он даже нанес тебе и смертельный удар, то и тогда продолжай верить Ему. Еслиб Он имел намерение тебя погубить, Он не дал бы тебе стольких доказательств любви Своей: любовь в сердце Его, хотя на устах Его слова осуждения; самые слова обличения являются таким верным залогом благоволения Его к тебе. Чужого ребенка отец не бьет, своего же наказывает; точно так же Господь Бог наш наносит удары искупленным Своим; для сынов же противления Он готовит иное возмездие в иных условиях. Пойми также, что великая милость Божия—иметь **сознание** греха; это доказывает, что не мертв, а жив дух твой. Чувствовать — значит ощущать жизнь; и сокрушение духа является очевидным доказательством наличности жизни в душе. Поверь, тысячи людей отдали бы все на свете, чтоб быть в твоем положении; они горюют, что не имеют тех чувств, которые гнетом лежат на твоем сердце. Многие завидуют твоим слезам, твоим вздохам, твоему сокрушенному духу. Мужайся же. Настоящая суровость является лишь задатком будущих проявлений любви. Ведь и потерянную овцу в стадо возвращает грозный лай сторожевого пса, также загоняется бурею и корабль в ближайшую гавань. Прибегни к Господу Иисусу и доверься благодати Его.

3. Многие из искупленных долго испытывали на себе эти „укоризны от любящего". Жезл поражал их не один только раз; последовательно наносил он сердцу их в течение месяцев, даже в течение многих лет, один удар за другим. Джон Буньян искал Бога с тревогой и отчаянием в душе в продолжение долгих лет; и тысячи верующих долгое время оставались в долине тени смертной. Одни души человеческие часто бывают в лучезарном свете присутствия Божия; другие же, к сожалению, временами не ощущают его. После захода солнца обыкновенно видим мы и восход его; однако во время бушевавшей на море бури ап. Павел не видел в продолжение трех дней ни солнца, ни луны, ни звезд; так и искушаемая душа иногда долгое время не может обрести духовного света. Не все суда с одинаковой быстротою совершают свое плавание: конструкция судна, ветры, волны, ошибки капитана ,— все имеют влияние на продолжительность его. Некоторые семена дают ростки чрез несколько дней, другие долгое время остаются, как мертвые, во мраке под землею. Господь, если это Ему благоугодно, может и обличить, а, вслед за тем—утешить человека с быстротою молнии, со скоростью несущегося в воздухе урагана; но иногда Он медлит, по причинам, нам неизвестным, и которые нам открываются только впоследствии. Пасха не бывает без поста, ей предшествующего; но пост, налагаемый Богом на человека, может быть длиннее или короче, по Его усмотрению. Не будем же в безумии своем воображать, что дорога, на которую мы вступили, с самого начала уже пряма, не имеет изгибов. Пусть вспомнит каждый из нас, сколько времени своей жизни провел он в грехе; и тогда нам не придется жаловаться на продолжительность сокрушения сердца нашего. Кто сознаёт свое невежество, тот не будет сетовать на то, что ему долгое время пришлось провести в школе покаяния. Никто не должен жаловаться, если Царь благодати и милосердия заставляет Себя некоторое время ждать; потому что, если душа дает себе ясный отчет, чего именно она ожидает, то она увидит, что дар — стоит ожидания, хотя бы и долгих лет. Бог может говорить: „В тот же день, если услышите голос Мой..." но ты, о грешник, **не имеешь права требовать,** чтоб Он вообще, а тем более именно сегодня, услышал **тебя**. У „великих мира сего" часто бывает в приемных по многу просителей, которым приходится иногда долго ожидать, уходить и снова возвращаться, ища покровительства влиятельного лица; ищущие благоволение Бога Небесного, конечно, должны терпеливо ждать даров Его. Втройне счастлив человек, скоро получивший аудиенцию Его, а—вдвойне тот, кто ее совсем не получает и, значит, должен еще раз возвратиться с своею просьбою. Но подчас тяжело бывает стоять у двери, не отворяющейся на многократный стук,—„Надежда, долго не сбывающаяся, томит сердце" (Пр. Сол, 13, 12); быть-может читателя этих строк мучит сомнение: приведут ли к чему-нибудь его молитвы и вся его духовная борьба? Он, быть-может, готов воскликнуть: „Истощилась в печали жизнь моя, и лета мои в стенаниях" (Пс. 30, 11). Прекрати, о душа скорбящая, сетования твои! Ангел утешения уже приближается к тебе, и вера ускорит полет его: слышит Бог все слова твои и, в ту минуту как ты взываешь к Нему,— Он уже отвечает тебе.

4. Высшая премудрость руководит путями, по которым души приходят к Господу Иисусу; многим, как мы уже видели, наносятся **глубокие** раны, это — **их** путь; другие

испытывают несравненно меньшую боль, и страдания их бывают далеко не такими острыми. Пусть религия наша не будет поверхностной, что слишком часто встречается в наши дни; особенно же будем избегать принимать вымыслы воображения — за факты, мимолетные чувства — за последствия действия благодати. Мы серьезно убеждаем читателей не опираться ни на что, кроме своего личного духовного опыта, показывающего благодатное действие на наше сердце искреннего покаяния, отвращения к самим себе и полной отдачи себя спасению по благодати. Без сомнения, есть люди, которые, по дивной милости Господа, никогда не ощущали на себе неумолимой строгости ужасов Синая и страшных последствий действия закона. Многие сердца Бог открыл легкими отмычками, тогда—как другие поддались только тяжелому лому судов Божиих. Дух дышет где и как Ему благоугодно; иногда Он—в дуновении легкого зефира, иногда — в урагане. Когда величавая пальма Зеландии покрывается цветами, влагалище почки, скрывающее в себе цветок, лопается с шумом огнестрельного оружия, от которого содрогается лес; тысячи же других не менее прекрасных цветов спокойно распускаются утром, и ни одна капля росы не слышит этого; так многие души изобилуют благодатью, и всякие бури чужды им.

Никто да не сомневается в призвании своем, под тем предлогом, что оно совершилось без трубного звука, никто да не измеряет своих чувств чувствами других людей, и в виду существенного между ними различия, да не приходит к выводу, что эти другие—не сыны царствия. Не существует двух вполне одинаковых листьев на дереве.— Разнообразие—закон природы; красота линий не заключается в неумолимой прямолинейности. Тот же закон царит и в проявлении благодати. Не стремись познать глубину бездны страдания! Лучше радуйся, что ты хоть отчасти избавлен от мрака ее. Благодари Бога за то, что тебе дано войти в ковчег в качестве овцы, ведомой Пастырем; не желай походить на необузданного тельца, который нуждается в ударах бича. Преклонись пред могуществом, имеющим в своем распоряжении множество всевозможных средств. Господь отверзает нам очи всякими способами: одному требуется „брение", другому только легкое прикосновение перста Его. В одном случае Иисус Христос громко воззвал. „Лазарь! иди вон"; в другом — возвращение к жизни совершилось по нежному возгласу: „Девица, встань". Голос, которым Закхею приказано было сойти с смоковницы, был слышен всем присутствующим; но едва внятен был возглас, раздавшийся у гроба Господа Иисуса: „Мария!" Несмотря на все оттенки,—с этим согласятся все,— во всех случаях результат был одинаковый. Непростительно ограниченному человеку предписывать Богу тот или другой образ действия или диктовать Господу Иисусу, как применять к душам действие благодати Своей. Будем радоваться, если слышим „нежные укоризны", и не будем считать тяжелые удары неизбежным доказательством верности Спасителя по отношению к нам.

Особенно разнообразны средства, употребляемые Провидением, чтобы смягчать каменные сердца. Лишения, разочарования, болезни, нищета часто являются при этом орудиями в руке Божией; проповедь, чтение Свящ. Писания или в нем содержащиеся обличения часто обращают души к Богу. Интересно было бы зарегистрировать все те различные пути, которыми Бог ведет грешников. Полезно было бы собраться когда-нибудь вместе, и каждому из присутствовавших задать вопрос: каким способом обратился он к Богу? Это дало бы много интересного в духовном смысле материала и прекратило бы бесполезные споры по этому поводу.

II. Теперь мы намерены доказать, что **укоризны эти исходят от „Друга", от Господа Иисуса Христа**. Пока душа не уверена в Божественном происхождении нас постигающих обличений, она мало помышляет о Господе Иисусе, и ничего не знает о Его любви. В ней может возникнуть слабое представление о спасительной Его силе, но представление это мимолетно. Она чувствует, что существует искупление, но мучимая обличениями совесть не радуется этому, так как не испытала еще на себе могущественного действия пролитой за нас крови; **Иисус** обладает всею полнотою спасающей силы, но, пока человек не придет чрез Него к Богу, Он не участвует в его спасении. Господь Иисус хотя и невидимый нами,—все Тот же истинный Иисус; Он все так же с нами, и совершает в нас Свою работу. Мы особенно подчеркиваем этот факт, потому что большое число плачущих грешников приписывают свое горе всему, кроме той истины, что надо ощутить в себе Христа, а через Него итти к Богу.

1. Много людей находятся в этой темноте. Они убеждены, что терзания их—от диавола, что он готов поглотить их. Но им кажется так потому, что сплошной ад в сердце их. Да благословит Божественный Утешитель слова наши, чтобы они дошли до души, переживающей такое состояние! Не диавол обличает душу в грехе, хотя поверженный в смятение дух и готов приписать эти обличения диаволу. Не в планах князя тьмы разрушать покой своих подданных; он старается, напротив, внушить им чувство самодовольства и чувство покоя относительно их внутреннего настроения; с коварным подозрением относится он к их духовному недомоганию, боясь, что это заставит их бежать от его власти. Мы не отрицаем, что некоторые из ужасов, сопровождающих

обличение совести в грехе, дело его рук; это конечно так и есть; но мы продолжаем утверждать, что нарушение внутреннего мира, приводящее в смятение душу,—есть дело любви, и Божественного сострадания. Сомнения, отчаяние и адские предчувствия могут быть исчадиями диавола, но во главе сражения стоит Сам Еммануил; и лишь из опасения успеха той борьбы, которую вызвал Христос в душе человека, возбуждает лукавый в душе новую брань. Господь Иисус высылает Свою рать с целью привлечь нас к себе; видя это, „князь мира сего" посылает ей навстречу, с целью пресечь ей путь к сердцу, бесовское свое воинство. Подвергнутый такому двойному нападению, разум делается неспособным отличать друзей от неприятелей, не разбирает в смятении своем и никого и ничего. Постараемся дать описание признаков и свойств тех ударов, которые получаются нами в бою со стороны Христа, чтобы мы могли их отличить от ран, наносимых нам лукавым.

Нами изображенный духовный разлад заставляет нас ненавидеть грех. Но могла ли бы эта ненависть явиться в нас, как результат работы сатаны? Не мог-же он сделаться поклонником чистоты сердца! Дух нечистый не может породить чувств божественных. Хорошо зная сущность греха, может ли он стремиться нам открыть весь ужас его? Если ему приятно видеть страдания души здесь, на земле, не умнее ли было бы с его стороны допустить нас и до вкушеня здесь мимолетного счастья, с злою целью—усугубить вечные будущие мучения своей жертвы? Мы знаем, что сатана до крайности умен; но тогда мудрость его не стоила бы и гроша; он причинил бы душе человека лишь временные тут страдания, а потерял бы власть над нею во всей вечности. Бесы могут потопить стадо в глубине морской, но никогда они не пробуют превратить свиней в овец. Сатана мог поставить Господа Иисуса на крыле храма; но никогда не вводил Он мытаря в дом молитвы, чтобы, стоя у входа его, он восклицал: „Боже, будь милостив ко мне, грешному!" Ничто, нас приводящее к Господу Иисусу, не может исходить от лукавого, и по одному этому мы можем судить, от Бога ли, или не от Бога происходит сокрушение душ нашей. То, что привлекает нас к Господу Иисусу, должно носить и характер Его. Когда враг не может помешать тому, чтобы голос Божий услышен был в сердце, он заглушает его таким страшным стоном и ревом, что приходящий к Богу грешник недоумевает, что именно до него доносится с неба, и что—из ада; вопрос при этом выяснятся так: если слышится грозный обличительный голос, значит сатана разгневан и только продиводействует влиянию Слова Божия на душу нашу; если же это голос тихий, стремящийся удержать душу от серьезного и истинного покаяния, голос этот значит исходит из самого ада.

О грешник, позволь другу предостеречь тебя от этого ласкающего звука обаятельной песни издевающегося над тобой диавола; если ты не отвратишь от него уха, ты погибнешь навеки; не слушай этой очаровательной музыки; но, с другой стороны, и не страшись диавола, он хочет тебя отогнать от врат небесных; не преклоняй к нему своего слуха, но будь вполне убежден, что внутреннее побуждение, тебя заставляющее итти вперед, в руке Господа Иисуса, жаждущего тебя ввести в город убежища, Им построенный. Не думай, что глубокие раны, тебе нанесенные,—дело рук убийцы душ; они лишь работа ланцета „возлюбленного врача". Многие больные, когда им делают операцию, не могут удержаться от отчаянных воплей: но им следует помнить, для чего выносят они эти страдания. Конечно, не легко ликовать, когда тяжелая рука Господа Иисуса поражает нас, какая бы благая цель ни была у Него; но тебе будет легче, если ты убедишься, что Иисус, а не диавол бьет тебя за грехи твои.

2. Часто случается также, что возникает сомнение: подлинно ли это Бог работает в нас, действительно ли это Дух Святой действует в душе нашей, а не просто ли это пробуждение нашей совести? Эта мысль, конечно, может смущать, так как известно, что часто простое пробуждение совести, в сущности, ни к чему не приводит. Сколько людей, под влиянием голоса совести, старались изменить свою жизнь, а при наступлении искушения все построенное на песке здание падало, и было падение его великое. Как много молитв вызывается только лишь случайно вспыхнувшим огнем простого природного чувства; общее духовное равнодушие или наличность греха в сердцах делали эти молитвы „бесплодными". В виду этого необходимо постоянно исследовать свои чувства, чтоб убедиться, что они действительно плоды Духа Святого.

Совесть—это та часть души, на которую оказывает Дух Святой Свое действие, обличая ее в грехе; но сама по себе совесть не может так всецело умереть для греха, как это необходимо для каждого христианина. Под каким-нибудь сильным влиянием, будь то серьезная проповедь или убедительная видимость, она может привести в движение весь „город" души человеческой; но „сокрушить двери медные" и „сломать запоры железные" должна другая рука.

Природная совесть отличается от сверхъестественной благодати тем, что голос ее несравненно легче может заставить замолчать. Довольно маленькой подачки, чтоб заглушить совесть со всей ее хваленой беспристрастностью: в сущности она не менее развращена, чем весь человек. Странно слышать служителей Божиих, говорящих

о совести, как о „наместнике Божием", как о неподкупном судии, когда самое поверхностное наблюдение может убедить всякого в крайней испорченности совести. Сколько людей свободно допускают в сущности вполне греховные поступки, которыми совесть их нисколько не возмущается; а если этот пристрастный судья и осудит иногда такие поступки, то его легко заставить замолчать, хотя бы обещанием исправиться в будущем.

Основательно пробужденная совесть говорит громовым голосом; но и ее голос не в силах разбудить мертвеца: духовное пробуждение зависит от одного Бога. Нам приходилось видеть людей, осаждаемых целым потоком самых ужасных мыслей и самых серьезных опасений; но теплый дождь пролился быстро, и чрез час уже не видно было от него и следа. Душа не находит исцеления в чисто плотском порыве раскаяния, и мимолетность его доказывает всю его бесполезность.

Совесть, правда, радуется преображению души; истинная же благодать никогда не успокоится, пока не убедится в подлинности духовного преображения. Будем всеми силами и неутешно сокрушаться о грехе и о нашей природной развращенности; будем стремиться приобрести живую веру в Господа Иисуса и исполняться Духом Святым. Человек не имеющий этих чувств—не имеет наиболее существенных религиозных начал. Если таково наше настоящее решение,—если мы страстно желаем иметь руководителем нашим Господа Иисуса всегда и во всем,—нам нечего жалеть, что в любви Своей Он обличил нас и этим средством привел нас к ногам Своим. Если мы теперь сознаем, что ничто, кроме Крови и праведности Иисуса Христа, не может восполнить те духовные недостатки, которые мы так оплакиваем, мы можем радоваться, что благодать вошла в наше сердце, что победа ее обеспечена. Душа, исполненная Духа Святого, ненасытна в своем стремлении к Спасителю. Настолько ли алчет духовного хлеба твоя душа, что мякина уже не удовлетворит ее? Настолько ли ты жаждешь воды живой, что „язык твой прилипнул к гортани" твоей? Презираешь ли ты всякую подделку, отыскивая исключительно чистое золото царствия? Решился ли ты приобрести Христа, или умереть? Один ли только Христос силен побороть все твои страхи? Если—да, то—мужайся. Встань. Он зовет тебя; взывай к Нему, и Он непременно ответит.

Затем **мы полагаем, что прекрасным пробным камнем может быть продолжительность, длительность твоих духовных чувств**. Пробуждение совести не обновленной скоро проходит и обыкновенно не отличается большою устойчивостью. В одну ночь оно возникает, в одну ночь и исчезает. Это боли острые, но не хронические; они не составляют неотделимой части существа человека, являясь лишь частными случаями в истории его души. Человек часто готов пролить потоки слез, когда правосудие ополчается на него, но слезы скоро высыхают, ливень сменяется солнечным сиянием, и все проходит. Искал ли ты когда-либо в течение некоторого времени Господа, читатель? Не считай, прошу тебя, несомненным фактом, что ты находишься постоянно под действием Духа Святого! Моли Бога, чтобы Он помог тебе всегда сознавать твое ничтожество и слабость. О ты, чей мимолетный пыл подобен пламени горящего хвороста! Помни, что пламень этот не есть огонь с неба; потому что то чудное пламя вечно, и источник его есть Сам Бог Всемогущий. О вы души уступчивые! Всякая трудность может вас заставить вернуться вспять; не вам носить венцы сынов Царствия: они предназначены для других. Неустойчивые, подобно воде, вы не будете иметь успеха. Ваши лживые обеты так часто слышались на небесах, что суд грозит вам. Как лгали вы пред Богом, обещая в час болезни всецело обратиться к Нему. Как сильно против вас будут свидетельствовать нарушенные вами обещания, когда Бог их обнаружит, раскрыв древние записи прошлого, уличающие вас в измене.

Справедливо заслуживают нашего особенного внимания слова Соломона: „Человек, который будучи обличаем, ожесточает выю свою, внезапно сокрушится, и не будет ему исцеления"? (Пр. Сол. 29, 1). Горе вам, тем из моих читателей, которые часто лицемерно каялись! Господь будет судить вас за это. Вы не можете оправдываться неведением: скрыть своей вины вам не удастся; вы знали, что вам следовало делать, но не делали. Вы обманывали Бога, давая обеты; вы небрежно относились к молитве; лицемерны были обещания ваши. Ваши собственные уста произнесут „Аминь", когда послышится возглас: „Проклят ты", и возглас этот как эхо раздастся в памяти вашей, обличающей вас в грехе.

Но если ты когда-нибудь и искренно каялся, читатель, оказалось ли действие десницы Божей продолжительным в твоей душе? Повлияло ли это на тебя? Вызвало ли это в нем жажду притти ко Христу? Если—да, то мужайся. Поток Божий всегда полон воды; дом, могущий устоять против ветров и волн, основан на скале; и растение, которое не искореняется, посажено небесным Отцом нашим. Слушатель, сердце которого подобно каменистой земле, потерял свою духовную свежесть, когда наступил солнечный зной; но если искренним сердцем ты воспринял слово, в нем навсегда укоренившееся, ты уподобляешься земле плодородной. Свет, светящий долгое время, не есть огонь блуждающий, переходящий с одного места на другое. Настоящие звезды не падают; падающие

звезды совсем и не звезды,—они лишь различные осколки и газы, распадение которых производит блеск. Реки, текущие по временно прорытым руслам, могут помешать вторжению неприятельской армии, но не оплодотворят окружающую их местность: так и временное убеждение может разрушить множество грехов, но это не поток, веселящий град Божий. Дела Божии обладают устойчивостью, Бог не возводит построек на песке, падающих от напора волн и от дуновения ветров.

Ты долго пребывала, душа, в скорби? В таком случае не унывай; здесь несомненно кроется действие руки Божией. Если ты во всех случаях жизни чувствуешь сильное желание искать лица Господня, и изливать пред Ним сердце твое, в таком случае ты несомненно принадлежишь к числу Им найденных и будешь впредь жить в укрепленном городе. Утреннее облако исчезает бесследно; но дождь и снег не возвращаются на небо, но напояют землю, делая ее способною рождать и произращать: если душа твоя полна стремления к Богу, если она изливается в молитве и слезах тогда есть основание надеяться, что Бог укрепил Слово Свое в сердце твоем.

Когда мы решаемся не рассчитывать больше на самих себя убеждаясь в полной нашей неспособности, тогда значит, Господь действительно пребывает в нашем сердце. Пока мы придаем своим собственным силам хотя бы слабое значение мы склонны сомневаться в подлинности работы Божией в нас. Дух Святой — Ду смиряющий, и Бог посылает Его, чтобы смирить нас. Всякая рана, тебе наносима Спасителем, сопровождается словами: „Это посылается тебе, чтобы ты перестал расчитывать на свою собственную праведность". Еслиб Господь не наносил нам ударов и ран, мы, будучи ничем, вообразили бы себе, что мы из себя что-то представляем. Знаешь ли ты, друг мой, что для того, чтобы облечься в ризу праведности Христову, необходимо распустить нитку за ниткой всю сотканную природой ткань твоей одежды? (Ф. Вилькокс). Убедишься ли ты теперь, что природное естество наше не может доставить бальзама для исцеления души? Хочешь ли ты теперь радостно омыться водою Иордана, чтобы очиститься? Если ты пришел к этому решению, сердце твое не чуждо действию на него благодати Господа Иисуса; если же ты на это не согласен, все твое раскаяние, слезы, вздохи, стоны — все это ни к чему, все это ржавчина и сор в очах Бога, правящего миром. Наше „я" — это тлетворное начало, заражающее благовонное миро. Господь же Иисус — соль, оздоравливающая и вредные воды всякой реки. Полное отстранение нашего „я" из всей нашей жизни труднее всего. Очень не легко бывает забыть свои прошлые заслуги, и отказаться от личных успехов в будущем. И однако для получения спасения необходимо пройти чрез эту смерть, потому что не умерев для всего, кроме Христа, мы никогда не можем со Христом и жить.

Если проповедник много говорит о вере, об освящении и совершенстве, этим он воздает себе славу, как великому строителю своего собственного спасения, подобно древнему фараону, он заносит на скалы громкие слова: „Я завоевал эти области своей силой". Не такова однако речь человека, наученного Богом небесным, он склоняет смиренно голову и приписывает свое духовное освобождение благодати Бога, хранящего завет Свой. По этой разнице узнается, уничтожено, умерщвлено ли наше „я", или нет. Взираешь ли ты вверх, или же надеешься, что твоя собственная рука спасет тебя? Поэтому ты можешь судить об отношении твоей души к делу благодати. То, что отрицает всякую плоть, что исключает гордость, что уничтожает самодовольство, исходит от Иисуса: наоборот, все, возносящее человека на пьедестал, хотя бы оно тебя действительно делало и нравственным, и любезным, и наружно благочестивым—от диавола. Не бойся ветра, тебя пригибающего к земле—чем ты ниже лежишь, тем лучше; беги всего, тебя превозносящего до небес. Вспомни слова Господа: „И не узнают все дерева полевые, что Я, Господь, высокое дерево понижаю, низкое дерево повышаю, зеленеющее дерево иссушаю, а сухое дерево делаю цветущим" (Иез. 17, 24). Будь всегда одним из низких деревьев, потому что тогда Господь Иисус будет благоволить к тебе. Он обращает князей в ничто, возносит смиренных и кротких сердцем. Скорее всего услышат доброе слово из уст Иисусовых те, которые ничего Ему не могут сказать в пользу себя. Кто освободился от своего „я", тот близок к Царствию Божию. Утешайся сознанием, что Христос любит тебя, если ты убедился, что ты **сам** не можешь спасти себя. Но никогда, никогда не надейся, что внешнее благочестие и похвальное поведение тебя оправдают пред Богом.

Повторяю еще раз: **если огорченное сердце наше жаждет полного отречения от греха, тогда для нас есть еще надежда.** Некоторые люди так много говорят о своем глубоком духовном опыте, о своей испорченности и греховности, а между тем они никогда еще действительно не решились сойти с злых путей своих. Как бесполезны все их легкомысленные слова: жизнь их доказывает, что они **любят** грех, что беззакония не вызывают в них отвращения к себе. Тот, кто сокрушается о прошлом грехе, будет конечно всячески избегать его в настоящем. Тот, кто говорит о совершающейся в нем внутренней работе Духа, и в то же время не проявляет видимых ее плодов в жизни лицемерит. Благодать готова войти в грешное сердце, как бы испорчено оно ни было;

но никогда она не уживается с грехом, — она его сразу оттуда вытеснит. Не понял характера Божественной благодати тот, кто, считая себя причастником ее, считает возможным оставаться рабом похоти или позволяет властвовать греху в смертном теле своем. Обетование Божие гласит так: „Да **оставит** нечестивый путь свой и беззаконник— помыслы свои, и да обратится к Господу, и Он помилует его" (Ис. 55, 7); но ни одно из его утешительных слов не относится к человеку, продолжающему любить грех. Хотя Бог многомилостив, и готов с состраданием подойти к раненому грешнику, Он этого никогда не сделает, пока грешник не бросит своих оружий сопротивления Ему. „Нет мира нечестивому", говорит Господь. Правосудие никогда не снимет осады потому только, что мы будем испускать отчаянные крики, давать обещания и обеты: сердце будет исполнено ужасов, пока оно укрывает в себе изменников. Дух Святой устами ап. Павла говорит: „Печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению. Ибо самый тот факт, что вы опечалились ради Бога, вызвало в вас огромное усердие, негодование на виновного, страх, желание, ревность, взыскание. По всему вы показали себя чистыми в этом деле" (2 Кор. 7, 10—11). Таковы именно благословенные проявления истинного покаяния. Пророк Исаия говорит: „Чрез это загладится беззаконие Иакова, и плодом сего будет снятие греха с него, когда все камни жертвенников он обратит в куски извести, и не будут уже стоять дубравы и истуканы солнца (Ис. 27, 9). Истинное покаяние входит в сердце, когда в нем уже не остается ни одного идола. Призванный к покаянию грешник, подобно Гедеону, должен прежде всего разрушить жертвенник Ваалов, затем нарубить дров и принести на них жертву всесожжения Господу (Суд. 6, 28); подобно Финеесу, должен он копьем пронзить вожделения плоти (Числ. 25, 7) и, подобно сынам Левииным, пройти „по всему стану", по всему сердцу своему, убивая один за другим свои особенно излюбленные грехи (Исх. 32, 26 — 27); не пощадит их рука его, и глаз его да не пожалеет их; может быть придется даже отсечь себе правую руку или вырвать правый глаз; потоки печали ради Бога зальют грех, и душа будет жаждать освобождения от того, что она ненавидит. В своих трактатах „О покаянии"—Ф. Скотт пишет: „Вот великая разница между истинным покаянием и только наружным видом его: хотя люди часто проливают потоки слез, смиренно исповедуют грехи свои; хотя они охотно открыто отступают от своих ложных мнений, и ревностно стремятся к истинному благочестию; какие бы правдоподобные истории относительно своего духовного опыта они ни рассказывали, как много они ни свидетельствовали бы о получении ими славных откровений Божиих—все-таки, несмотря на свое твердое упование на Бога, свое возвышенное духовное настроение, верное понимание истины, несмотря на точное свое суждение и большое количество духовных познаний,— все-таки если только они **не являют достойных покаяния дел,**—все, что они имеют, теряет всякое значение; они еще в грехах. Потому что дерево узнается по плоду, и „всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубаю и бросают в огонь".

Да, ни преследовавший Каина страх, ни исповеданная Иудою вина, причем он возвратил им полученную мзду, ни милостивые обещания фараона, ни унижение Ахава, ни уважение, с которым Ирод относился к пророку, — все это, взятое вместе с даром говорить голосами человеческими и ангельскими, творить чудеса, пророчествовать и знать все тайны, не доказало бы еще полного раскаяния человека, если какой бы то ни было грех еще живет в сердце его и действует в его жизни". Задай же себе этот вопрос огромной важности: „Как отношусь я к греху? Ненавижу ли, избегаю ли я его? Избегаю ли я даже тени его? Отказываюсь ли я от него, по немощи однако в него все еще впадая? Будь вполне уверен, что, если ты не можешь утвердительно ответить на эти вопросы, ты еще очень далек от царства Божия; но если с искренним сердцем ты можешь засвидетельствовать, что грех и твое собственное „я" — враги твои, тогда значит „семя жены" заложено в твоем сердце, и надежда упования славы в нем пребывает.

Душа верующая! Как памятен тот час, когда мы решились на разрыв с вожделениями плоти нашей! Мы можем радоваться, что порвали всякую связь с адом. Но как многим обязаны мы в этом вопросе благодати Божией; потому что никогда не ушли бы мы от „Египетских котлов с мясом", если-б Пасха наша — Христос — не умер за нас. Внутренний человек наш торжествует при воспоминании о часе нами объявленной войны между „новой тварью во Христе Иисусе" и грехом, ведущим к смерти. То была памятная для нас ночь: — это был перелом в нашей жизни. Мир был нарушен. Освобожденные от власти тьмы, мы введены „в Царство Возлюбленного Сына Божия"; и тех пор мы уже не служим больше греху, но жизнь, которою мы живем во плоти, — вся находится в зависимости от Сына Божия, нас возлюбившего и за нас пострадавшего

Если, читатель, ты можешь удовлетворительно ответить на все, здесь тебе предложенные вопросы, дело твое, конечно, в руках Господа Бога; если ты оплакал свой грех, отказался от своих собственных дел и отрекся от вожделений плоти, ты конечно принадлежишь к числу призванных Богом к спасению благодатию и к славе Его. Будь уверен, что **природная** совесть никогда не может подняться до этого высокого уровня

она может скользить по поверхности, но не в силах подняться выше. Природное естество никогда не отказывалось от человеческой праведности, и никогда не проводило резкой границы, отделяющей человека от греха.

Только Бог Один может произвести должное смирение в самонадеянном сердце человека, и Один Он может навеки искоренить в нас грех. Удары, нами испытанные, нанесены рукою Господа Иисуса: одним из них Он снял с нас венец самомнения, другим—вполне обезоружил нас. Он – Бог, постоянно творящий чудеса; великое своего рода чудо совершил Он и с нами. Только Он Один может одним ударом убить нашу возносящуюся вверх праведность и наши пресмыкающиеся по земле вожделения плоти. Если голова Голиафа отделена от плеч его и меч его вынут из его рук, не может быть никакого сомнения в победе Сына Давидова. Мы воздаем всю славу и честь чудному имени Иисуса, Стенорушителя, Целителя, верного Друга нашего.

3. Часто случается, что обстоятельства, при которых происходит обращение, заставляют сомневаться в Божественном характере испытываемых страданий. Известно, что серьезная болезнь и возможность приближения смерти производят раскаяние, так много имеющее общего с неподдельною Божественною печалью, что это вводило в заблуждение самых опытных христиан. Мы сами видели и слышали, как многие глубоко оплакивали свою бывшую вину, взывали от всей души к милосердию Божию, обещая исправиться и изменить свою жизнь; затем они свидетельствовали о получении ими прощения, о радости Духа Святого и даже об удивительных проявлениях милости Божией в их жизни, и, несмотря на все это, по прошествии некоторого времени и при первом же удобном случае они вернулись к прежним грехам и к прежнему бесрассудству. С ними случается по верной пословице: „Вымытая свинья идет валяться в грязи" (2 Тим. 2, 22).

Известный своею духовностью Бутс говорит: „Я больше придаю значения **жизни** людей, нежели их **смерти**. Посетив множество больных в течение моего долголетнего пастырского служения, я не помню **ни одного** серьезного случая, когда бы находившийся на краю могилы больной впоследствии, выздоровев, исполнил свои обещания Богу и сделался верующим, хотя, когда он был в безнадежном состоянии, трудно было не поверить искренности его раскаяния и решения порвать связь с грехом. Мне попало в руки ценное сочинение Арвина—„Энциклопедия рассказов". Там, между прочим, мы читаем следующее: „Был один доктор, который старался лечить не только больные тела, но и страдающие души. Через его руки прошли сотни тяжко больных. И вот, он наблюдал, что иногда, считая себя близким к смерти, человек опоминается, оглядывается на свою жизнь, сознает ее греховность, обращается к Богу. Но стоит ему после этого выздороветь,—все забыто, и жизнь опять начинает итти попрежнему. И только **в трех случаях** было не так, и раскаяние принесло действительный плод: человек, которому Господь вернул здоровье, стал с тех пор **действительно** Ему служить. Невольно думается: если бы такие люди, поверхностно раскаявшиеся под страхом смерти, и на самом деле после того умерли — надежда их на вечное блаженство могла бы, пожалуй, и не оправдаться".

„Один английский доктор рассказывает, что он знал около трех сот больных близких к смерти, и которые сознавали это; все они тогда раскаялись, и, видимо, приняли спасение, и — все они вернулись к жизни. И вот, насколько это ему было известно только трое из них явили себя действительно возрожденными. Прочие же по выздоровлении своем снова погрузились в обычные мирские грехи. Как же в виду этого верить в такого рода обращения?"

Эти примеры должны служить святым предостережением для всех нас; надо пламенеть духом не только под впечатлением нами переживаемого страха, чтобы потом, когда опасность миновала, — охладеть, и вновь погрузиться в суеты. Каждому из нас случается болеть, и тогда каждый на себе может проверить, каково, в сущности, его отношение к Богу? Наедине с Ним, в нашей комнате — поразмыслим „о путях наших и обратим стопы наши к откровениям Его" (Пс. 118,5).

В минуту духовного подъема мы часто даже не знаем, чему приписать его, мы спрашиваем себя: "Будет ли **прочным** такое мое настроение? Продолжится ли оно, когда я выздоровлю, или снова охватит меня равнодушие, когда я вернусь к моим обычным занятиям?" Мы не умереть боимся, а боимся потерять при возвращении к жизни наши святые чувства. Возможно, что читающий эти строки в настоящую минуту болен, и это именно его мучит; позволь мне в таком случае притти к тебе на помощь. Убедиться в искренности своей ты лучше всего можешь без сомнения тогда, когда здоровье твое вернется. Продолжай твердо уповать на Господа Иисуса и преуспевать в познании Его. Когда минует тебя окружающая теперь теснота, постоянство твое докажет действительность твоего покаяния. Обыкновенно раны, нанесенные Провидением, заживают быстро. Отнимает Господь Свой жезл, и человек продолжает грешить в сердце своем; но когда Господь Иисус поражает за грех, раны будут ныть еще долго по удалении жезла, потому что „раны от побоев — врачество против зла" (Пр. Сол. 20,30). Мы, много раз

лживо раскаивавшиеся, пока наконец действительно не обратились к Богу живому — видим теперь главную причину своей ошибки. Всякий вор честен, когда ему слишком трудно украсть; всякий убийца даже пожалеет, пожалуй, что он убил человека, когда казнь за преступление ожидает его: именно эту истину мы просим читателя запомнить.

Истинное покаяние возникает не от страха наказания, а от страха греха. Не осуждение, а страх впасть в грех, заставляет действительно кающееся сердце взывать о благодати. Правда, что страх ада, угрожающего нарушителям закона, вселяет в сердце ужас и смятение; но в **ужас** повергает не страх самого **ада**: **грех** вызывает особенное отвращение **греховностью** своею: таково именно действие благодати. Всякого человека устрашает ожидание пламени ада, особенно когда близость могилы как бы дает ему уже чувствовать неизбежное приближение его; но не всякий умирающий ненавидит **грех,** — его ненавидят только те, в сердцах которых Господь начал уже дело Свое. Скажи же, что ненавидишь ты больше — ад или грех? потому что, если-б даже ада и совсем не было, истинно кающийся человек нисколько не меньше ненавидел бы это, и нисколько не больше любил бы грех. Хотел ли бы ты обрести небо, сохраняя и свой грех? Если таково твое желание, значит в душе твоей нет и проблеска духовной жизни, потому что одна ее искра сожгла бы любовь к греху. Душе, стремящейся освободиться от греха, грех так ненавистен, что почти без преувеличения можно сказать, что истинно кающийся христианин скорее согласился бы на муки ада — без грехов, нежели на блаженство небес, но при условии сохранения своего прежнего греховного состояния души — если бы подобное сочетание было возможным. **Грех, грех, грех** ненавидит больше всего на свете живая душа.

Заметим далее, что спасительное покаяние сказывается в том, что мысли наши отныне бывают направлены к небесному. Мы хотим этим сказать, что, если наша скорбь вызвана только размышлениями об осуждении нечестивого и о гневе Божием, мы имеем несомненно основание сомневаться в евангельском ее характере; но если размышление о Господе Иисусе, о Его кресте, о небе, о жизни вечной, о завете благодати, о всепрощающей силе Крови и полном искуплении — вызывают у нас слезы, тогда мы можем радоваться, что эта печаль наша есть печаль ради Бога. Пробужденный Духом Святым грешник найдет, что поток скорбей его течет не с поросших колючим кустарником склонов горы Синайской, но с покрытой пажитями горы Гефсиманской. Слова: „О грех, я тебя ненавижу: ты заставил умереть Господа моего" будут часто звучать в его сердце.

Вы, любящие Господа, присоединитесь к нашему свидетельству, что **любовь смягчила** в вас **больше гнева**, что нежный, любящий голос подействовал на вас сильнее грозного обличения, что надежда повлияла на вас больше, чем страх. **Господь Своими** нежными взорами заставил нас горько рыдать, строгое же лицо Моисея вызвало в нас лишь трепет, и не повергло в сокрушении о грехе сердце наше. Мы печалимся о том, что оскорбляем **Его**, Его любовь, попираем Его Кровь, Его благодать, Его сострадание. Иисус — имя покоряющее самое непреклонное сердце, если сердце это действительно приняло истину Евангельскую. Он—жезл, вызывающий воды из скалы, Он молот, скалы разбирающий.

Далее: настоящее покаяние делает совесть удивительно чувствительной, так что уже малейшая тень греха может ее огорчить. При недуховном покаянии оплакивается небольшое количество самых видных грехов, самых выдающихся и гнусных, особенно, если окружающие замечают их; но, осудив и исповедав один или два таких греха, человек затем невозбранно отпускает на свободу всю шайку менее выдающихся преступников. „Не то бывает с человеком, покаяние которого носит характер божественный: он одинаково ненавидит **весь** род лукавого; подобно Елисею, он будет восклицать: „Не оставлю тебя"; он всеми силами постарается освободиться от укоренившегося в нем греха, не позволит измене ютиться в его сердце. Тайные грехи, повседневные оскорбительные слова, легкое общепринятое искажение правды, безобидные неразумные поступки, незначительные прегрешения, так называемые „грешки"—все это приговорено к смерти с той минуты, как Господь не осветит светильником Духа Своего сердце человека.

Господь Иисус никогда не входит в душу человека, чтоб ее освободить от одного или двух грехов, или чтобы победить целый ряд их, за исключением некоторых безделиц. Его работа не частичная, — она **в совершенстве** доводит дело до конца; Его очищение — настоящее крещение; очищая сердце, Он действительно его очищает от всякой нечистоты, удаляет из него всякий сор, всех „Дагонов". Все грехи — очевидные и тайные, грехи юношеские и грехи, свойственные зрелому возрасту, грехи по ошибке и грехи преднамеренные, словом и делом, в мысли и воображении, грехи против Бога и против людей — все они вместе образуют как бы огромный клуб ядовитых змей. И чадо Божие страшится их, и хочет, чтобы головы **всех** этих змей были раздавлены пятою Истребителя зла, Иисуса. Не верь истинности своего духовного пробуждения, пока ты не возненавидишь грех во всех его стадиях развития, начиная с зародыша

и кончая зрелым плодом, и со всеми его оттенками, от обычного потворства вожделениям плоти до очевидного и самого ужасного преступления; если ты действительно враждебно относишься ко злу, ты будешь ненавидеть **всякое** беззаконие, даже и легкий намек на него.

Мы молим благословенного Духа Божия открыть Личность Господа Иисуса всякому сокрушенному грешнику; молим, чтобы отверз Он очи духовно слепому, дабы мог он увидать любящее сердце Христа, увидать протянутую к Нему руку Его. Да подведет Он всякую ищущую душу ко кресту Своему, с которого всегда струятся потоки прощения и утешения. Господь Иисус,—Он Один обличает нас в грехах наших и совершенно основательно наказывает нас. Пусть Дух Святой поможет всякой душе постигнуть утешительную истину о спасающей человека благодати Божией! — Вот наше горячее желание.

А теперь, в заключение, читатель, загляни серьезно и внимательно в свое сердце: мы так редко делаем это, а, между тем, это так необходимо!

Спроси себя: спасен я – или осужден? Ведь одно из двух. Третьего состояния не может быть. Необходимо решить вопрос—в вере ли я? Надо помнить, что скоро настанет момент, когда решать вопрос этот будет уже поздно, потому что собственно **вопроса** в этом больше и не будет. Время возможного исправления и помощи Божией—пройдет; нам останется только ожидать, что мучения наши усилятся, что наступит возмездие за все содеянное. Не удивительно, что есть люди, которые с тревогой думают о своем положении; скорее удивительно то, что большинство из них поразительно равнодушны и беспечны, относительно того, что касается вопроса о царствии небесном. Здесь дело идет не о теле нашем, не о нашем благополучии или свободе,—вопрос идет о более для нас существенном,—о вечном нашем существовании на небе или в аду. Исследуем своего внутреннего человека; дадим себе отчет, что мы, собственно, из себя представляем; подробно изучим свое сердце и посмотрим, правильно или нет оно относится к Богу. Не будем руководствоваться лестным мнением о нас ближних наших, но внимательно рассмотрим себя сами. И если верующий человек обличает нас, не будем пренебрегать его мнением, потому что легче обмануться самим, нежели ввести в заблуждение избранных Божиих. Верно сказано: „Мы всячески стараемся скрыть свое сердце как от себя самих, так и от других, и всегда в этом успеваем; потому что в этом случае мы одновременно являемся и судьей своим, и присяжным, и палачом, и если логика не может одержать победу над судьей, если лесть не оказывается убедительной для присяжного, себялюбие всегда готово уничтожить приговор, подкупив палача; взятка в этом случае всегда достигает своей цели".

В виду нашей склонности к самообольщению будем неусыпно бодрствовать, прислушиваясь ко **всякому** предупреждению, ко **всякому** упреку, чтобы не пропустить голоса, указывающего нам на наше опасное положение. Многие торговые люди разоряются оттого, что небрежно ведут свои счеты; но человек, который часто и тщательно подводит итоги, будет ясно понимать свое положение и избегнет всякой неожиданности и потери. Ни один корабль никогда не погибал вследствие того, что его капитан **слишком часто** определял широту и долготу, в которых он находился; но печальная судьба постигла беззаботных моряков, которые, не справляясь с картой берегов, подходили близко к скалам, и разбивали о них свои суда. Не будем же спать, как прочие, но примем решение постоянно бодрствовать, помня, что если мы неверно поймем состояние своей души, ошибка наша окажется уже непоправимой. Если во время войны сражение бывает проиграно, то полководец может утешаться мыслию поправить дело будущей победой; но если мы падем в борьбе, когда отстаиваем свою личную жизнь, тогда поражение наше будет непоправимым. Обанкротившийся купец может утешаться надеждою снова начать торговлю—она еще может пойти успешно; его опытность может помочь горю, и даже в результате может оказаться приобретение им больших богатств. Но тот, кто окажется банкротом в смысле своей духовной жизни, у кого в душе нет Бога, нет Христа, нет надежды, обречен на вечную нищету и напрасно он будет молить окружающих хотя бы каплею воды освежить иссохший язык свой. Если вся жизнь человека, до конца, будет неправедной, тогда—пропало все,—куда дерево упадет, там ему и придется лежать. В каком состоянии застала нас смерть, в таком мы и останемся навеки. Запятнанная грехом душа наша—такою на век и останется. Если бы была хотя слабая надежда на возможность исправления после смерти теперешних наших ошибок, тогда нас хоть сколько-нибудь можно было бы извинить за поверхностное отношение к самопознанию; но об этом не может быть и речи, потому что, умирая, мы уже перестаем быть под действием благодати. Если мы умираем во Христе, мы получаем полную возможность войти в непостижимую славу Его, сделаться причастниками несказанного блаженства и бесконечного благословения Божия; но если смерть нас застает без Христа, тогда будет невыразимое отчаяние, неописуемые мучения; плачевна будет участь наша. Ужасно подумать, что большое число людей, которые казались искренними исповедниками веры, которые пользовались уважением, и которые, по мнению окружающих

созрели уже для славы Божией, находятся теперь в аду. Потому что они, в сущности, служили тут, на земле, только плоти, и жили иллюзиями. Среди всех осужденных никто так не мучится в пламени, как люди, надеявшиеся жить в „городе, улица которого—чистое золото", а теперь очутившиеся в полном мраке, где слышен „плач и скрежет зубов". Чем выше пьедестал, с которого мы падаем, тем ужаснее падение. Тяжело будет некоторым исповедникам веры, когда они увидят себя между осужденными: ведь при жизни их окружал почет, и они считались людьми добродетельными. Если мы отдадим себе отчет, как много встречается нездоровых верований в наше время, верований, подобных гладкому, но неглубокому морю, едва покрывающему скалы лицемерия; если мы припомним все плачевные нравственные падения, которым в последнее время мы были свидетелями—то невольно хочется громко кричать, увещевать всеми силами всякого, кто только услышать может—исследовать основы веры своей, пока не поздно; как бы дома их не оказались построенными на песке! Тогда падения их ничто не отвратит.

О, дайте себя переплавить Духу Божию, лицемерные исповедники веры! Вы, формалисты, подумайте серьезно о том, что вы соблюдаете внешность, пренебрегая духом. Читатель, исследуй хорошенько—какого ты духа?

III. Мы заключаем нашу речь третьим замечанием—**укоризны нашего Господа Иисуса были искренни**. Доказывать это будет совершенно излишне, но размышления об этом, мы полагаем, вполне уместны. Когда мы стонали под карающей рукой Господа Иисуса, мы находили Его жестоким. Думаем ли мы также и теперь? Неужели мы не видим, какую пользу принесли нам те скорби, которые пришлось тогда перенести? Скорби эти были плугом, который вспахал сердце наше, приготовляя почву для посева Божиих зерен—зерен добра! Будь же он благословен! Будь же благословенна рука, наносящая нам раны, чтобы заставить нас опомниться. Драгоценно вино, выжатое силою убеждения. Чисто золото, переплавленное в горниле покаяния; чуден жемчуг, собранный в пещерах глубокого огорчения. Никогда не испытали бы мы такого страшного унижения, если-б **Он** так не унизил нас. Никогда не перестали бы мы уповать на плоть нашу, если-б **Он** не обнаружил нам всю испорченность, всю немощь нашего сердца. Никогда не научились бы мы утешать слабого и утверждать немощного, если-б Он не сделал нас „хромыми", не „повредил бы сустава бедра" нашего. Если мы хоть сколько-нибудь умеем утешать утомленного, то это только от того, что сами мы некогда испытали страдания. Если мы теперь неодобрительно относимся к тщеславию гордого, самодовольного человека, то это от того, что убедились на личном опыте, как безумна такая гордость, как нелепа такая самонадеянность. Если теперь мы научились горячо молиться за души наших ближних и, особенно, если мы более, чем когда-либо, жаждем спасения грешников, мы этим в большой мере обязаны тому, что жезл Божий нанес нам раны за грехи наши. Мы по себе узнали, какие строгие приемы употребляет Господь для привлечения к Себе людей. Ревностный проповедник, неутомимый работник на ниве Божией, усердный учитель, облеченный силою свыше,—все эти деятели и подвижники сделались такими только благодаря скорбям, которые им посланы были, чтобы они стали ближе к Богу, сознали свою духовную слабость и греховность своего природного естества, и всецело отдали себя в руки Божии.

Самые острые стрелы—те, которые лежат в колчане нашего личного духовного опыта. Особенно хорош тот клинок меча, который закален в горниле духовного сокрушения.

Подумаем еще и о том, как вообще глубоко укоренилась в нас привязанность к миру и греховным его наслаждениям. Ведь в них—все сердце наше! Что же удивительного в том, что Богу приходится употребить острый нож, чтобы отделить нас от наших пристрастий к временному и низменному? Это—операция, которую необходимо было над нами произвести.

Будем же ненавидеть грех, вызвавший необходимость применения к нам таких жестоких мер, но возблагодарим благословенного Спасителя, Который продолжал действовать, не взирая на наши отчаянные детские вопли. Если бы наш грех походил на покрывающую стену плесень, мы сумели бы осторожно сами снять эту плесень; но нет! он достиг роста кедра Ливанского и крепко укоренился в земле, так что одному лишь Всемогущему Богу оказалось под силу сломить его.

Не будем же сетовать на страшные раскаты грома Божьего, но порадуемся о том, что разрушается грех в нас. Спящий в горящем доме человек не будет упрекать того, кто его спас, что он слишком сильно его толкнул, чтоб разбудить. Упрекнет ли человек, в рассеянности очутившийся на краю пропасти, друга своего, за то, что он резко схватил его за руку, и тем вывел из задумчивости, и спас от погибели? Он только будет ему благодарен, так как понимает, что эта внешняя грубость вызвана лишь заботой и любовью. Надо особенно помнить, что, если на все смотреть с точки зрения вечности, эти легкие и кратковременные страдания очень мало имеют значения в сравнении с мраком, от которого мы освободились, и с теми благословениями, которые нас

ожидают впереди. Когда мы представляем себе весь ужас погибающих, слышим их вопли и видим их мучения, когда вообразим, что страдания эти могут быть вечными, как вечно будет и полное отчуждение от Бога; когда подумаем, что сами могли очутиться в мраке, от которого теперь избавились,—тогда мы понимаем все благо, нами полученное от страдания, и от всей души восклицаем: „Благословенна рука, нас от этого освободившая!"

О молот, разбивающий узы рабства нашего, как можем мы не ценить тебя! О Ангел, прикосновением к телу нашему нас пробудивший, чтоб вывести нас из темницы, как не любить нам Тебя! О Иисус, славный Искупитель наш! Мы хотим Тебя любить, для Тебя жить и за Тебя умереть! Мы знаем, что Ты нас возлюбил и любовь Свою к нам доказал в жизни и в смерти Своей. Никогда не сочтем мы Тебя немилосердным, потому что, будучи к нам строг, Ты был к нам и сострадателен. Мы уверены, что ни один нас постигший удар не был **слишком** тяжел, ни одно мучение не было **сверх сил** наших. Праведен был Ты во всех делах Твоих; хвала Тебе за все пути Твои, даже за те, на которых вырывались вздохи и стенания из уст наших. Когда же дух наш будет возноситься к Твоему светлому престолу среди всех хвалебных песнопений, Тебе возносимых за Твое милосердие и за Твою благость, среди чудных возгласов: „Осанна!" — раздастся и „гимн воспоминания" прославляющий Тебя за „жезл завета" и за руку, нас поражавшую.

К необращенному читателю.

Друг, до сих пор ты шел рука об руку с тем, кто теперь стал христианином. Ты сочувствовал ему, потому что он тогда еще презирал Христа: теперь же, когда Господь Иисус начал обличать совесть Своего чада, ты хочешь с ним проститься, высокомерно заявляя, что не намерен записаться в число „подобных" людей.

Ты рад, что не испытываешь ничего подобного тому, что здесь было описано. Но позволь мне тебе сказать: это очень грустно, что сердце твое не сокрушается о грехах твоих! В день, когда Судия неба и земли отделит плевелы от пшеницы, ты убедишься, как страшно быть неискупленным грешником. Когда пламя ада готово будет охватить тебя, напрасно будешь ты жалеть о том, что не воспользовался уроком, которым в данную минуту пренебрегаешь. Не всегда будет весна окружать тебя; час смерти постигнет тебя, как и прочих, и тогда другой обличит тебя в заблуждении твоем. Не смейся над плачущими душами, не говори, что жаль их видеть в подобном сокрушении духа, потому что, как оно ни тяжело, оно неизмеримо лучше твоего духовного состояния, и ни один из оплакивающих свои грехи кающихся не захотел бы поменяться с тобою местами. Их огорчение несравненно блаженнее твоего спокойствия; твой смех печальнее их вздохов, и твое внутреннее удовлетворение презреннее их глубочайшей скорби. Кроме того — помни, что находящиеся в эту минуту в таком мраке вскоре увидят свет, ты же в ближайшем будущем погрузишься в все более сгущающийся мрак. Скорби их настанет конец; твои же скорби еще и не начались; когда же они начнутся, то и конца им не будет. Их печаль **не безнадежна;** твое же страдание будет **безнадежным.** Их наказание исходит от любящего Господа Иисуса; твое будет послано тебе гневом Божиим. Кончится их наказание **вечным спасением,** твое же **вечным осуждением.** Неужели же выберешь ты омертвение духа и гибель, вместо того, чтобы решиться теперь временно пострадать, чтобы затем исцелиться от ран твоих? Конечно лучше перенести, что угодно, только бы не подпасть осуждению; убедись, прошу тебя, в этой истине, и ты не раскаешься в выборе; тебе необходимо пролить здесь слезы раскаяния, чтобы потом не пришлось тебе напрасно умолять — каплей воды освежить уста твои, когда ты будешь окружен горящим пламенем. Что ты ответишь мне на это? Можешь ли ты устоять в всепожирающем пламени гнева Божия? Не безумствуй, умоляю тебя. Зачем тебе себя губить? Какая тебе будет польза от того, что грех твой падет на тебя всею своею тяжестью? Не согрешил ли ты? Почему же в таком случае бежать покаяния? Не угрожает ли Бог яростию гнева Своего всем тем, кто не оставляет беззаконий своих? Зачем же отвращаешь ты слух твой от тех, кто благодатию Божиею обрел спасение, и кто, в виду этого, не может не молить тебя оставить греховные пути твои? Да остановит тебя Господь в безумии твоем, и да даст Он тебе покаяние, потому что иначе „Тофет давно уже устроен... в костре его много огня и дров; дуновение Господа, как поток серы, зажжет его" (Ис. 30, 33).

МИЛОСЕРДНЫЙ САМАРЯНИН.

Покрытый ранами, поверженный во прах,
Лежал я при пути в томленьи и слезах
И думал про себя, в тоске невыразимой:
«О, где моя родня? где ближний? где любимый?..»
И много мимо шло... Но что ж!.. Никто из них
Не думал облегчить тяжелых ран моих...
Иной бы и желал, да даль его манила
Житейской суеты губительная сила;
Иных пугал вид ран и мой тяжелый стон...
Уж мной овладевал холодной смерти сон,
Уж на устах моих стенанья замирали,
В тускнеющих очах уж слезы застывали...
Но вот пришел чужой, склонился надо мной
И слезы мне отер целительной рукой.
Он мне неведом был, но, полн святой любовью,
Текущею из ран не погнушался кровью.
Он взял меня с собой и помогал мне сам,
И лил на раны мне целительный бальзам...
И голос мне сказал в душе неотразимый:
«Вот кто родня тебе, кто ближний, кто любимый!»

Ю. Ж.

МЫТАРЬ И ФАРИСЕЙ.

С мольбой во дни явились оны
Два иудея в храм святой.
Один из них был муж ученый,
Законник мудрый, а другой
Был мытарь грешный и смиренный.
Он встал при входе у дверей.
Самодовольный и надменный,
Меж тем молился фарисей.
Он говорил: «Прославлен будь,
Царю небес, Владыко мой!
Я не таков, как эти люди,
Я чист и праведен душой,
Я—не обидчик, не грабитель,
И плоть я духом обуздал,
Я никого не угнетал,
Как этот мытарь—притеснитель.
Блюду я свято Твой глагол,
В неделю дважды я пощуся
И десятиною делюся
Ото всего, что приобрел.
Хвала Тебе! Прославлен будь!
Благодарю, Создатель мой,
Что не таков, как эти люди,
Но чист и светел я душой!»

Меж тем, глубоко потрясенный,
Свою греховность сознавал
Печальный мытарь и, смущенный,
Он взоры долу потуплял.
В грехе погрязший столь глубоко,
Он—зло, он—весь нечистота,
Он—раб страстей, он—жрец порока,
Ему ль открыть свои уста,
Ему ль на небо дерзновенно
Возвесть греховный, мутный взор?
Не глас ли сердца неизменно
Твердит ему живой укор?
Виновней он, чем эти люди!
И в сокрушеньи он твердил:
«О, Боже, милостив мне будь,
Я согрешил, я согрешил!»
И он, рыдавший у порога,
Нашел прощение у Бога,
И осужден был фарисей
В безумной гордости своей.
Безгрешен суд Творца вселенной,
Непогрешим Его закон:
Унижен будет Им надменный,
Уничиженный—вознесен.

В. Богословский.

КРАТКОЕ БИБЛЕЙСКОЕ ЧТЕНИЕ [1]).

„День Христов".

Первое и второе послания к Фессалоникийцам.

См. 1 Фесс. 1, 10; 2, 19; 3, 13; 4, 15—17; 5, 2, 4, 23; 2 Фесс. 1, 7—10; 2, 1—2, 8, 14, 16; 3, 5).

Это—два первые послания, написанные Апостолом Павлом; в обоих он пишет от своего имени и от имени двух своих сотрудников—Силуана (Силы) и Тимофея.

Приморский город Фессалоника, столица Македонии, благодаря своему географическому положению, сделался центром христианского благовествования (1 Фесс. 1, 8), будучи важным пунктом оживленной торговли между Европою и Малою Азиею.

Сюда принесли благую весть Павел и Сила после тюремного заключения и перенесенного ими в Филиппах поругания (1 Фесс. 2, 2) во время своего второго миссионерского путешествия (Деян. 17, 1—10). Дополнением к повествованию Луки о кратком пребывании благовестников Божиих в Фессалонике служат многие места двух нами изучаемых посланий, написанных ап. Павлом из Коринфа (Деян. 18, 5; 1 Фесс. 3, 6). Первое из них было послано в Фессалонику вскоре после их изгнания из этого города, а второе год спустя.

В то время, так же как и в наши дни, в Фессалонике было много Евреев, и там находилась главная их синагога. Согласно повеления Господа и по своему обыкновению, с „Иудеями во-первых" говорил Апостол о Христе Иисусе. Три субботы подряд изучал он с ними пророчества Свящ. Писаний относительно страдания, смерти и воскресения Мессии, „открывая и доказывая" им, что Иисус Назарянин, о Котором он проповедывал, был истинный Мессия (1 Фесс. 1, 10, 4, 14; 5, 9—11). Павел возвещал не только страдания Спасителя, но и „Царство и славу" Мессии, о чем свидетельствуют некоторые места обоих посланий (1 Фесс. 2, 12; 2 Фесс. 1, 5) и обвинения, на братьев возведенные Иудеями, главным образом их упрекавшими в этом, что „все они поступают против повелений кесаря, почитая другого царем, Иисуса" (Деян. 17, 7).

Иудеи заинтересованы были проповедью Апостола, но уверовали в Христа лишь немногие из них; когда же уверовавшие увидели, что „великое множество" язычников и „не мало знатных женщин" приняли благую весть о спасении, они исполнились зависти, возмутили народ и окружили дом, в котором новые учителя нашли себе пристанище. Чтобы прекратить затем вспыхнувшие в городе беспорядки, братья „немедленно ночью отправили Павла и Силу в Верию"; но это не прекратило гонения на христиан. Несмотря на дурной прием, оказанный ему родным по плоти народом, ап. Павел повидимому был сильно расположен к новообращенным Фессалоникийцам. Он говорит, что он, „как отец детей своих", каждого из них „просил, убеждал и умолял поступать достойно Бога"; что он и другие братья „с большим желанием старались увидеть лицо их" и „ были тихи" среди них, подобно как „кормилица нежно обходится с детьми своими" (1 Фесс. 2, 11—12; 17, 7).

Вспоминая свое пребывание у них, Апостол говорит, что во всем, случившемся с ним в Фессалонике, ясно видна рука Божия. Повидимому Фессалоникийцы нуждались в примере Апостола; теперь он мог писать им о своей трудовой жизни среди них, увещевая их подражать ему и работать своими руками. Как Апостол, Павел мог рассчитывать на их гостеприимство (Матф. 10, 10; 1 Кор. 9), но он занимался своим ремеслом, работая ночью и днем, „чтобы не отяготить кого из них" и содержать самого себя и своих товарищей по ремеслу. Уделять необходимое своим соработникам Апостол отчасти мог вследствие щедрых даяний со стороны Филиппийцев (ср. 1 Фесс. 2, 9; 4, 11—12; 2 Фесс. 3, 6—15; Деян. 18, 3; 20, 34—35; 2 Кор. 11, 8, Фил. 4, 15—16).

Из Деян. 17. 2—3 мы видим, что здесь, как и во всех остальных городах, проповедь Апостола Павла держалась на твердом основании Ветхозаветных писаний. Его Евангелие находило себе подтверждение в вечном Слове Бога Живого. В обоих посланиях много говорится о благовествовании, о силе и действии на душу Слова Божия и об ответственности слушающих и знающих его (1 Фесс. 1, 5—6, 8; 2, 12—13; 3, 2; 4, 2, 15; 2 Фесс. 1, 8—10; 2, 10—17; 3, 1).

Во многих местах этих посланий упоминается об испытаниях, которым подвергались Фессалоникийцы, принявшие Евангелие: „И вы сделались подражателями нам и Господу, приняв слово при многих скорбях с радостью Духа Святого" (1 Фесс. 1, 6). В одном месте особенно подчеркивается мысль, что Иудеи виновны были не только в непринятии ими лично спасения Христова, но что они старались и помешать язычникам сделаться его причастниками. „Препятствуют нам говорить язычникам,—чтобы спаслись, и чрез это всегда наполняют меру грехов своих; но приближается на них гнев до конца" (1 Фесс. 2, 14—16; Деян. 13, 45—48; 18, 5—6; 22, 21—22).

[1]) См. „Христианин" № 1, за 1927 г.

В виду постигших их гонений и огорчений, ап. Павел послал Тимофея „утвердить" и „утешить" этих преследуемых учеников Христовых „в вере их" (1 Фесс. 3); когда Тимофей вернулся к Апостолу в Коринф, от него несомненно узнал Павел, в чем именно они особенно нуждались; потому что тотчас по возвращении его он усердно молится, благодаря за них Бога. Замечательны прошения этой молитвы. Из первой части первого из этих посланий мы уже знали о вере и любви, преисполнявших сердца Фессалоникийцев. Павел упоминает о их „деле веры и труде любви" (1 Фесс. 1, 3); они стали образцом для всех верующих в Македонии и Ахаии" (1 Фесс. 1, 7), и во всяком месте прошла слава о вере их в Бога. Апостол был уверен в их избрании Богом (не на основании им полученного откровения предначертаний Божиих, но) потому что благовествование его было „в силе и во Святом Духе, и со многим удостоверением" (1 Фесс. 1, 5). „Посему и мы непрестанно благодарим Бога, что... слово Божие вы приняли не как слово человеческое, но как Слово Божие... которое и действует в вас, верующих" (1 Фесс. 2, 13).

И теперь, кроме того, Тимофей только что принес Апостолу „добрую весть" о вере и любви их, так что Апостол особенно утешен был верою их (1 Фесс. 3, 6–8). Но несмотря на все это ап. Павел „ночь и день молился, чтобы видеть лицо ваше и дополнить, чего недоставало вере вашей... вас Господь да исполнит и преисполнит любовью друг ко другу и ко всем" (1 Фесс. 3, 10—12). В этом заключается важный урок для нас: жизнь христианина должна всегда духовно развиваться; это жизнь возрастания в благодати,—светило лучезарное, все более и более светлеющее до полного дня. Вместе с Фессалоникийцами чрез Духа Святого будем внимать словам Апостола Павла, чтобы, принявшие... как должно поступать и угождать Богу", мы „более в том преуспевали" (1 Фесс. 4, 1). Ветвь, приносящая плод, очищается, чтобы **более** принесла плода, на славу Господа. Тот, Кто есть Воскресение и Жизнь, пришел в мир, дабы имели жизнь, и жизнь с избытком. В посланиях этих много раз упоминается о вере и уповании, а в 2 Фесс. 1, 3 Апостол имеет возможность воздать Богу славу за исполнение им вознесенной молитвы; „Всегда по справедливости мы должны благодарить Бога за вас... потому что возрастает вера ваша и умножается любовь каждого друг ко другу между всеми вами".

Следует заметить также повторяющиеся в этих посланиях три слова: вера, надежда, любовь, или им соответствующие добродетели—доверие, терпение, милосердие; тройная цепь христианских действий, их воплощающая, состоит из послушания Богу, терпения и служения; там же, где эти надежда, вера и любовь отсутствуют в противящихся истине, там царит отчаяние, возмущение и бессердечие.

В этих посланиях содержится важное указание на **пришествие нашего Господа Иисуса Христа**, называемое здесь также „Царством и славою Его", „днем Господним", „днем Христовым" и „явлением Господа Иисуса с неба". Оно встречается почти в каждой главе, и им заканчивается почти всякая отдельная часть посланий. В первом послании говорится о Пришествии Господнем на облаках **за** святыми; тогда „мертвые во Христе воскреснут" и вместе с оставшимися живыми будут восхищены на небо, и „так всегда с Господом будут" (4, 14—18). Это дает Церкви стремление к святости и верному служению, это дает ей утешение среди гонений и всякого рода скорби; это же является и залогом ее торжества. В первом же послании упоминается об ужасном отступничестве Евреев, „которые убили Господа Иисуса Христа и Его пророков, и нас (проповедников Евангелия) изгнали и Богу не угождают и всем человекам противятся" (1 Фесс. 2, 15).

Во втором посланиии говорится о Пришествии Господа Иисуса Христа со святыми Своими для совершения суда. Тогда гнев Божий изольется на неверующих и непокорных Это должно побуждать Церковь служить Господу, возвещая миру Евангелие с постоянством, последовательностью и ревностью. В этом послании идет речь об отступничестве, проявляющемся в мире христианском, об истреблении Антихриста, „беззаконника", „которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою, и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением" (2, 8—10). Об этом развитии вражды диавола по отношению ко Христу, о его подражании делу Христову, о воплощении духа лукавого, Апостол говорит в тех же выражениях, как и о пришествии Господнем. Но этого „сына погибели" Господь Иисус „убьет духом уст Своих и истребит явлением Пришествия Своего" (2, 3—10; Ис. 11, 4; Откр. 19, 15—21).

Отличительною чертою обращения Фессалоникийцев, по большей части бывших раньше язычниками, было то, что они „обратились к Богу от идолов, чтобы служить Богу живому и истинному и **ожидать с небес Сына Его**" (1 Фесс. 1, 9—10), и то что они были призваны Богом „в Царство и славу Его" (1 Фесс. 2, 12). Они проникнуты были этою истиною, так что Апостол мог им сказать: „Сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью" (1 Фесс. 5, 2), потому что обо всем этом „он прежде говорил им". Но враг так старается исказить нами полученную истину, если ему не удается совсем ее у нас похитить, что и здесь он сумел посеять плевелы заблуждения на прекрасно засеянном поле; он внушил этим святым с помощью поддельных писем (2 Фесс. 2, 2), что день Христов уже наступает. Члены Церкви Фессалоникской

начали задумываться об умерших до Пришествия Господня и потому как бы потерявших награду за свою веру. Они так заняты были вопросом об их ожидавшей грядущей славе, что забыли нужду в настоящей благодати и святости. Они так сильно поглощены были ожиданием скорого возвращения их Господа, что начали придавать слишком мало значения своим повседневным обязянностям. Имея в виду краткость и тленность земной жизни, они предавались праздности, перестали трудиться, стали рассчитывать на матерьяльную поддержку со стороны других; некоторые же из них начали „поступать бесчинно, ничего не делая и суетясь" (2 Фесс. 3, 1—12).

В этом скрывается весьма важный урок, как для всякой церкви, так и для каждого из нас лично. Рядом с высшею похвалою, которую заслужили Фессалоникийцы, глубоко испытавшие на себе действие благодати, Апостолу приходится им выразить и предостережение, и порицание. И это встречается во всех посланиях, не исключая и того, что было написано семи „Церквам, находящимся в Азии" (Откр. 1—3). Поистине не существует непогрешимости в голосе „Церкви", ни всей совокупности ее, ни отдельных ее учителей: она сказывается лишь в том, „что Дух говорит Церквам" (Откр. 2, 7).

Итак посланиями своими Апостол стремился рассеять заблуждения Фессалоникийцев относительно наступления „дня Христова". Апостол говорит им (об этом же учил Господь в притчах), что действительно ожидающие Пришествия Сына Человеческого должны бодрствовать, быть всегда готовыми, ревностно служа Господу и оказывая самоотверженную любовь окружающим (три притчи Матф. 25).

Ап. Павел пишет Фессалоникийцам, что благословенное упование на пришествие Господне производит святость жизни (1 Фесс. 2, 12, 19; 3, 10—13; 5, 23; 2 Фесс. 1, 10; 2, 14—16) и дает силу бороться со злом; что это жизненная истина, освящающая все самые незначительные обстоятельства нашей жизни; что все наше служение и свидетельство совершается в свете этого „дня". Надежда эта есть достояние не только зрелого христианина, но и всякого новообращенного, всякого верующего, уже умершего или еще живущего на земле, всякого обездоленного и гонимого, всякого работника на ниве Божией. Для непокорных же беззаконников, вводящих в заблуждение других, день Господень связан с наступлением страшного для них суда Божия. Апостол говорит, что не следует предаваться скорби об умирающих в Господе, так как надежда христианина отнимает эту скорбь, два раза увещевает он черпать утешение для себя и для других в уверенности, что умершие во Христе воскреснут в Пришествие Господне и прежде даже оставшихся в живых восхищены будут вместе с ними на облаках в сретение Господу, чтобы всегда с Ним пребывать (1 Фесс. 4, 13–18; 5, 10—11; 2 Фесс. 2, 16). Многие ли из нас исполняют завет Апостола, стараясь утешать понесших утрату? В наших словах участия, в письмах, которыми мы выражали наше сочувствие, помним ли мы увещание Апостола „утешать друг друга сими словами"? Или же мы произносим лишь лестные отзывы об умерших оплакивающим его, ни мало их этим не утешая и оставляя их скорбеть в долине смертной тени вместо того, чтобы исполнять сердца их ожиданием грядущей славы и надеждою приближения Пришествия Господня?

Пришествие Господне—факт непреложный; да ликует всякий, любящий своего Господа. Он может притти во всякое время; пусть вера и любовь проявляются в соблюдении нами заповедей Его, в служении Его святом, в возвещении наступления Царствия Его. В мире господствуют силы, могущие несколько задержать Его явление с неба; но это не должно ни на минуту нас заставить сомневаться в Пришествии Господнем и в восхищении на небо избранных Божиих; мысль о том, что Господь откладывает на некоторое время Пришествие Свое, не должна также позволять нам небрежно относиться к нашим обязанностям. Наоборот, она должна усилить наше ожидание и желание скорого наступления дня Христова. „Вас Господь да исполнит и преисполнит любовию" (1 Фесс. 3, 12) и „терпением упования на... Христа" (1 Фесс. 1, 3). Уповающий на Него постыжен не будет: „Надежда не постыжает" (Римл. 5, 5).

„Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранятся без порока в Пришествие Господа нашего Иисуса Христа" (1 Фесс. 5, 23).

Верный и благоразумный домоуправитель.

Первое и второе послания к Тимофею.

(См. 1 Тим. 1, 11 — 19; 4, 12 — 16; 6, 20 — 21; 2 Тим. 1, 6; 2, 2, 24; 4, 1 — 8).

„Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многоразличной благодати Божией . . . дабы во всем прославлялся Бог чрез Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь" (1 Петр. 4, 10, 11). В этих словах выражается вкратце цель этих двух пастырских посланий ап. Павла к Тимофею, „истинному сыну в вере".

В притчах нашего Господа Иисуса Христа часто упоминается о том, что благодать, способности, время, — все это дары Божии служителям его, которыми Бог им поручает распоряжаться, пока Он не придет и не спросит у них отчета в них; тогда вознаградит Он тех, которые хранили и пускали в дело им доверенное, и накажет слуг нерадивых и беспечных не воспользовавшихся им данными талантами (Матф. 25; 24, 42—51; Марк. 13, 32—37; Лук. 16, 1—13; 19, 11—27; 12, 35—48).

Мысль эту мы встречаем и в посланиях ап. Павла, считавшего себя ответственным домоуправителем или домостроителем в своей жизни и в работе. „Каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей тайн Божиих" (1 Кор. 4, 1). Часто говорит он, что ему „вверено" благовестие Божие; как поручается домоуправителю добро господина его, так доверено было ему Господом возвещение Евангелия, чтобы воспользоваться им не для себя лично, но с повелением и с пользою передать его от имени Господа „близким и дальним", для славы Его (1 Кор. 4; 9; 1 Фесс. 2, 4; Гал. 2, 7; Ефес. 3, 1—9).

Как в притчах нашего Господа, так и в посланиях Апостола отмечаются два главные качества служения домоуправителя:

а) Прежде всего хороший управитель отличается неподкупною честностью, являясь верным хранителем ему вверенного добра; а затем,

б) он все время ожидает возвращения своего господина, никогда не забывая, что ему придется отдать отчет во всех своих действиях. „От домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался верным" (1 Кор. 4, 2).

Проследив эту мысль в различных местах Свящ. Писания, мы видим, что таковы были отличительные черты всех служителей, получивших похвалу Господа, начиная с „верного Авраама" (Гал. 8, 9) и Моисея, „верного во всем доме Его" (Числ. 12, 7; Евр. 3, 2, 5), и кончая „верными братьями" Силуаном и Онисимом (1 Петр. 5, 12; Кол. 4, 9) и „верными служителями" Епафрасом (Кол. 1, 7) и Тихиком (Ефес. 6, 21), о которых упоминается в посланиях.

Тимофея ап. Павел называет в послании к Коринфянам (1 Кор. 4, 17) своим „возлюбленным и верным в Господе сыном". В связи с вышеупомянутой мыслию, проводимою Апостолом в посланиях, он старается внушить ему следующее: как домоуправители или домостроители Божии, все получившие от Господа, облагодатствованные Его полнотою и преизобильною благодатию, мы ответственны пред Богом и дадим Ему отчет, употребили ли мы дары, от Него полученные, для славы Его. Во всех трех пастырских посланиях Апостол увещевает Тимофея Тита, подобно верным домостроителям, хранить и с пользою употреблять им дарованное Господом и ожидать Пришествия Его. С смирением так говорит Апостол о себе самом: „По славному благовестию блаженного Бога, которое мне вверено, благодарю давшего мне силу Христа Иисуса, Господа нашего, что он признал меня верным, определив на служение" (1 Тим. 1, 12). Затем он напоминает Тимофею, каким путем Господь призвал его сделаться пастырем и руководителем стада Христова, и о полученной им благодати для этого служения. Тимофею же он говорит: „О Тимофей! храни преданное тебе" (1 Тим. 6, 20); „Напоминаю тебе возгревать дар Божий который в тебе" (2 Тим. 1, 6); „Храни добрый залог Духом Святым, живущий в нас" (2 Тим. 1, 14).

Подобные же советы дает Апостол ему в 1 Тим. 1, 18; 4, 11; 2 Тим. 4, 1. То, что Тимофей слышал из его уст, он велит передавать другим: „То передай верным людям, которые были бы способны и других учить" (2 Тим. 2, 2), дабы никогда не прекращалось благовествование Евангельское. Ап. Павел особенно настаивает на этом, опасаясь пустословия „некоторых" „которое производит больше споры, нежели Божие назидание в вере" (1 Тим. 1, 4).

Отец Тимофея был Эллин; мать же его Евника и бабка его Лоида были уверовавшие в Христа Иудеянки. Тимофей обратился чрез ап. Павла в Листре и чрез рукоположение получил Духа Святого, так что тесные узы любви и дружбы связывали их (ср. Деян. 14, 6 с 16, 103 и 1 Тим. 1, 2; 2 Тим. 1, 2, 6). Тимофей был служителем и спутником ап. Павла, его соработником и помощником; его посылал Апостол к Церквам, и о нем мог он писать Коринфянам: „Он делает дело Господне, как и я" (1 Кор. 16, 10), и Филиппийцам „Я не имею никого равно усердного, кто бы столь искренно заботился

о вас... он, как сын отцу служил мне в благовествовании" (Фил. 2, 20, 22; Деян. 19, 22; 1 Кор. 4, 17; 16, 10—11). Он принимал участие и в составлении посланий к Фессалоникийцам, Филиппийцам, Колоссянам и второго послания к Коринфянам.

Часто, идя в другие города для возвещения Евангелия, Апостол оставлял Тимофея поручая ему упрочить начатое им дело и укрепить веру новообращенных, которых он принужден был покинуть.

Так повидимому случилось и с Ефесской Церковью, руководителем которой Апостол назначил Тимофея. Поручая ему продолжать начатое дело в Ефесе, Апостол написал ему первое из своих посланий, удостоверявшее переданную ему Апостолом власть и дававшее ему свободу действий в этом Азиатском городе (1 Тим. 3, 15).

Послание это было вероятно написано в промежуток времени между первым и вторым тюремным заключением ап. Павла в Риме.

Второе послание было написано во время второго тюремного заключения, гораздо более строгого, чем первое. Из слов Апостола видно, что он предвидит предстоящую ему мученическую смерть: „Я уже становлюсь мертвою, и время моего отшествия настало" (2 Тим. 4, 6), потому, что ничего иного он не мог ожидать со стороны своего жестокого земного судьи, императора Нерона. Но он не сомневался в награде, его ожидающей у другого престола, пред которым надлежало ему предстать: „Теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный" (2 Тим. 4, 8). Он просит Тимофея „скоро" к нему притти; но принимая в соображение дальность расстояния Рима от Малой Азии и опасаясь что он придет уже **слишком поздно**, имея также в виду молодость и робость Тимофея, ап. Павел всячески старается укрепить его веру и влить в сердце его мужество для исполнения порученной ему работы. Оба письма дышат любовью отца к сыну; во втором послании тон Апостола становится более строгим: близость мученичества и вступление в вечность наполняет сердце Апостола особенным попечением о Тимофее и о всей Церкви. Эту тревогу о духовном росте верующих усиливало в нем недостойное поведение „Азийских" христиан, покинувших Апостола в минуту скорби и нужды (2 Тим. 1, 15).

Оба послания преследуют одну и ту же цель—дать Тимофею ряд важных советов относительно утверждения Церкви и направления религиозной жизни.

Особенное внимание Тимофея обращается Апостолом на великое значение Свящ. Писаний,—как закона Божия, так и Евангелия. Необходимо постоянно благоговейно их изучать, ими руководясь в деле нашего спасения и служения.

Затем Апостол излагает многие истины новозаветного учения во всей их чистоте и указывает как ими пользоватся в проповеди.

Служителя Господня, проповедника Слова Апостол называет также „воином" „евангелистом", „рабом Господа" и т. д. Вступлению в служение Богу должна предшествовать тщательная духовная подготовка и испытание духовных сил. Говорит Апостол также об избрании и рукоположении диаконов и пресвитеров и епископов.

Упоминает ап. Павел и о необходимости личной святости для верного служения Богу. Чистота сердца и благочестивая жизнь должны быть принадлежностью всех общественных работников Господних.

Дает Апостол и правила о порядке общественных собраний, о молитве и проповеди, а также и указания относительно положения, поведения, служения и оказания поддержки верующим женщинам.

Затем идут советы относительно частной и семейной жизни верующих, начиная рабом и кончая богатым мира сего, начиная занятой домашнею работою женщиною и кончая управляющим своею семьею епископом.

Указываются скорби и неизбежные гонения ради Евангелия с увещеванием не страшиться преследования борьбы, но все переносить с терпением и быть участниками страданий ради Евангелия, твердо уповая на грядущую награду в Пришествие Христа.

Не забыты еретики и люди, противящиеся истине, причем указано, как следует христианину к ним относиться. Чуждая святости жизнь, извращенная воля и притупленная совесть—вот нравственный облик еретика.

Большое значение придает в этих посланиях ап. Павел „здравым словам", „учению о благочестии", „верному слову", „доброму учению" и основанным на Свящ. Писании истинам, увещевая тщательно их изучать, пребывать а простоте веры, подчиняясь заповедям Божиим, соблюдая чистоту совести, украшая жизнь добрыми делами и являя любовь. Слово Божие должно дерзновенно с верою возвещаться всем в открытой проповеди, в терпеливом наставлении, в увещании отдельных лиц при всяком удобном случае. „Проповедуй Слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием" (1 Тим. 4, 2).

Противоположностью этому являются: а) „учения бесовские", распространяемые внимающими „духам обольстительным" и б) лжеучения и лукавые приемы еретиков, с их „негодными бабьими баснями" и „бесконечными родословиями".

Бог здесь именуется „Богом живым", „Все животворящим", „Царем веков, нетленным, невидимым, единым премудрым Богом" (1 Тим. 4, 10; 6, 13; 1, 17); и Ему возносится слава, как „единому Бессмертному, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может" (1 Тим. 6, 16). О Спасителе же нашем Иисусе Христе сказано, что Он „разрушил смерть и явил жизнь и нетление чрез благовестие" (2 Тим. 1, 10). В нем „обетование жизни (2 Тим. 1, 1) для тех, которые будут веровать в Него к жизни вечной" (1 Тим. 1, 16), держаться которой Апостол дважды советует Тимофею (1 Тим. 6, 12, 19).

„Здравое учение" и „Добрые дела".

Послание к Титу.

(См. 2. 11—15).

Имя Тита упоминается во многих посланиях, в связи с его верным служением под руководством ап. Павла церквам, великим основанным или управляемым. Он был чрез Эллин обращенный в христианство ап. Павлом (1, 4), первый из язычников, не прошедший при обращении чрез обрезание. Когда вопрос об этом обряде обсуждался в Иерусалиме, Тит, лично заинтересованный в решении его, отправился туда вместе с ап. Павлом и Варнавою (Деян. 15; Гал. 2). Именно тогда, в виду того, что Бог не делал никакой разницы между иудеями и необрезанными язычниками, одинаково очищая сердца их верою, и даруя им Духа Святого,—решено было в Иерусалиме братьями „не затруднять обращающихся к Богу язычников" совершением этого обряда, основанного на рабском служении закону.

Позднее, мы знаем, Тит был отправлен великим Апостолом с поручением к Коринфским церквам; после непродолжительного свидания в Македонии с ап. Павлом, которому он принес добрую весть о духовном благоденствии этих церквей, Тит вернулся в Азию со „вторым посланием к Коринфянам". Во время своего путешествия он занят был, вместе с Лукою, сбором пожертвований для неимущих святых в Иерусалиме. Ап. Павел считал его драгоценным для себя „товарищем и сотрудником" (2 Кор. 8, 23), в рассудительности которого он не сомневался, усердие которого он испытал и в ревности которого он был уверен.

Он встречал отражение своей собственной духовности в этом „истинном сыне по общей вере", потому что он говорит: „Благодарение Богу, вложившему в сердце Титово такое усердие к вам" (2 Кор. 8, 6, 16, 23; 2, 13; 7, 5—6, 13; 12, 18; 2 Тим. 4, 10), и еще: Тит воспользовался ли чем от вас? Не в одном ли духе действовали? Не одним ли путем ходили?

Неудивительно поэтому, что этому верному благовестнику Божию поручено было весьма трудное и важное дело. Покидая после одного из своих посещений Крит,—вероятнее всего после окончания тюремного заключения в Риме, когда Апостол посещал им основанные восточные церкви,—он оставил на этом острове Тита, чтобы он „довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров" (1, 5). Это было ответственное дело. Ему поручено было рассмотреть и рассеять заблуждения, возникшие среди Критян, благодаря происках лжеучителей из иудеев; Тит должен был выбрать достойных пресвитеров для рассеянных всюду по острову церквей, устроить церковные дела, обличить непокорных членов Церкви и вникнуть во многие важные вопросы, заняться которыми не успел сам Апостол. Как заместитель ап. Павла, Тит встретил в некоторых критянах сильное сопротивление, и письмо это было ему написано с целью подкрепить его в работе и дать его противникам письменное доказательство того, что Тит действительно был назначен Апостолом, облеченным властью руководителем Критских церквей.

Из немногих вышеприведенных нами мест, говорящих о Тите, мы узнаем, что это был человек, исполненный любви Божией, пламеневший духом, обладавший выдающимися способностями, одаренный мудростью и смиренномудрием. Это третье пастырское послание в сущности весьма похоже на два послания к Тимофею, написанные вероятно почти одновременно с ним и при более или менее одинаковых обстоятельствах; Тит занимал на острове Крите такое же положение (высшего представителя или епископа его церквей), какое Тимофей имел в городе Ефесе.

И тот и другой призываются к верному служению домостроителей или домоуправителей; и тому и другому напоминает Апостол о важном значении упования на жизнь вечную „веры" и „верных слов". В обоих случаях Апостол требует личного благочестия от тех, кому он пишет, от служителей, ими избираемых, от верующих женщин, от слуг и от всех членов Церкви вообще. Во всех этих посланиях существуют предостережения от „непокорных пустословов и обманщиков" (1, 10—14); на острове

Крите они главным образом встречались между „обрезанными“, и лжеучение их заключалось в „Иудейских баснях и постановлениях людей, отвращающихся от истины“. Апостол предписывает Титу удаляться „глупых состязаний и родословий, и споров и распрей о законе... ибо они бесполезны и суетны“ (3, 9). Пагубное действие этих заблуждений и вредных предрассудков на жизнь и совесть ими зараженных людей мрачными красками изображено в этих посланиях. „Для чистых все чисто; а для осквернённых и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их и совесть. Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются, будучи гнусны и непокорны, и неспособны ни к какому доброму делу“ (1, 15—16).

Это приводит нас к **главной цели** послания к Титу,—указать влияние веры и здравого учения на жизнь, на действия людей. Другими словами здесь проводится мысль, что „здравое учение“ не есть только один из догматов нашей веры: это живая сила, управляющая нашей жизнию и нашим характером. Должно существовать равновесие между хранением „истинного Слова“ (1, 9) и стараним „быть прилежными к добрым делам“ (3, 8). Главная мысль этого послания выражена в первом его стихе: **„Познание истины, относящейся к благочестию“.**

Оно должно прежде всего сказаться на характере епископа или пресвитера, жизнь которого должна быть безукоризненна, который должен быть страннолюбивым, должен обладать чистою верою, „чтоб он был силен и наставлять в здравом учении, и противящихся обличать (1, 7—9). Затем, это же самое учение должно распространяться и на всех старцев, юношей и женщин (2, 1—6), чистота веры и послушание учению которых должна проявляться в любви и терпении, в святости повседневной домашней жизни, „да не порицается Слово Божие“. Сам Тит должен произносить „слово здравое, неукоризненное... во всем показывать в себе образец добрых дел, в учительстве чистоту, степенность, неповрежденность, слово здравое, неукоризненное, чтобы противник был посрамлен, не имея ничего сказать о нас худого“ (2, 1, 7—8).

Рабы призываются к повиновению, к верности в слове и служении „дабы они во всем были украшением учению Спасителя нашего, Бога“ (2, 9—10). Затем, в конце послания, Апостол в заключение говорит: „Слово это верно: и я желаю, чтобы ты подтверждал о сем, дабы уверовавшие в Бога старались быть прилежными к добрым делам: это хорошо и полезно человекам“ (3, 8, 14).

Во всех этих трех пастырских посланиях подчеркивается, видим мы, необходимость

а) Чистоты проповедуемого слова, здравого учения и слов истины.

б) Необходимость „веры“,—упования и доверия к Богу,—о котором благовествует Евангелие, и

в) „Добрые дела“ или святость жизни („Ревностный к добрым делам“, „быть прилежными к добрым делам“, „образец добрых дел“ и т. д.).

Заметим, что апостол дважды увещевает Тимофея держаться или достигать „вечной жизни“,—в первом случае в связи с „добрым подвигом веры“, во втором—с богатением „добрыми делами“ (1 Тим. 6, 12, 18—19; Римл. 4; Иак. 2). Эти две стороны истины прекрасно также освещены в послании к Титу. Здесь верующему уже получившему благодать и спасение Божие, говорится,—что его добрые дела ничего не имеют общего с первоначальным получением спасения единственно по благости и милости Божией. „Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога, Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом“ (Тит, 3, 3—6). Здесь снова обнаруживается полная гармония учения ап. Павла об оправдании верою и ап. Иакова об оправдании делами.

Чудное краткое изложение Евангелия содержащееся в середине послания к Титу (2, 11—14), освещает нам обе стороны вопроса. Возвещенное же спасение даруется **только** благодатию, благодать производит в нас благочестие, благочестие же ведет нас к славе. „Жизнь вечная“, нам дарованная в Христе Иисусе, есть жизнь божественная, и проявляется она в святости и праведности „в нынешнем веке“. Спаситель наш Иисус Христос... дал себя за нас, чтоб избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ особенный, ревностный к добрым делам“. Добрые дела являются плодом Духа Святого, Которого Бог „излил на нас обильно чрез Иисуса Христа, Спасителя нашего“. Плод этот всегда созревает в свете „блаженного упования... явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа“ (Тит. 2, 13).

Поощрение к любви.

Послание к Филимону.

(См. Фил. 5, 7, 9, 12, 16).

Это единственное послание ап. Павла к отдельному лицу, тогда как у ап. Иоанна их два—второе и третье его послания. Пред нами рисуется в этом письме обаятельный облик престарелого святого Божия, заключенного в то время, за Евангелие в Римскую темницу.

Принимая во внимание посылаемое ап. Павлом приветствие Архиппу, заменившему, повидимому, Епафраса в деле служения святым в городе Колоссах, и сравнивая другие подробности об Епафрасе, Онисиме и других верующих, посылающих в этом послании приветствие Филимону, с Кол. 1, 1, 7; 4, 7—18, мы приходим к заключению, что Филимон был членом Церкви в Колоссах, что когда-то Архипп жил в его доме, что письмо это было написано одновременно с посланием к Колоссянам и с посланием к Лаодикийцам, о котором упоминается в Кол. 4, 16 и которое, возможно, теперь у нас носит название „послания к Ефесянам". Возникает предположение, что все эти три послания были принесены из Рима в Малую Азию Тихиком и Онисимом; первый доставил церквам послания, для них предназначенные, Онисим же передал частное письмо ап. Павла своему господину, от которого он некогда убежал, и которого он оскорбил.

Из стиха 19 явствует, что Филимон обратился чрез ап. Павла; где и когда — неизвестно. Онисим раб Филимонов, убежав из Колосс, пробрался в Рим и сделался одним из духовных чад ап. Павла (10) в те два года, когда Апостолу позволено было жить на своем иждивении „особо с воином, его стерегущим", и когда „он принимал всех, приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно" (Деян. 28, 16, 30—31).

Ничто не сравнимо с любовью, которою старается Апостол, в качестве миротворца и посредника между убежавшим рабом и его господином, воздействовать на последнего, отождествляя самого себя с рабом, и предлагая Филимону внести за Онисима, что тот ему должен (11, 18). Он привязался к Онисиму и открыл в нем духовные качества и дары, благодаря которым из него мог выйти верный служитель для Церкви Божией; это видно из послания к Колоссянам, в котором Апостол о нем говорит. Ап. Павлу хотелось „удержать" его при себе, чтобы „он послужил ему в узах за благовествование", но из уважения к закону и правам, которые на него имел Филимон, Апостол возвращает его ему. С удивительным тактом, с нежною любовью высказывает ап. Павел свою просьбу относительно Онисима, не прибегая к строгости, с которою он мог бы действовать, как Апостол и отец Филимона в вере. Он дает, напротив, „возлюбленному сотруднику своему" Филимону, случай доказать свою любовь и порадовать его великодушным своим отношением к Онисиму.

Ап. Павел много писал о поведении верующих господ и слуг, указывая им на их взаимные обязанности и на их равенство пред Богом, у Которого нет лицеприятия. Об этом он упоминал в двух письмах, им посланных в это же время — Кол. 3, 22—25; 4, 1; Ефес. 6, 5—9. Несколько раз он утверждал, что во Христе нет ни рабов, ни свободных, потому что все „одно во Христе Иисусе" (Гал. 3, 27—28; Кол. 3, 11). „Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов" (1 Кор. 7, 22); и себя ап. Павел любил называть „рабом Божиим", „рабом и узником Иисуса Христа" (Римл. 1, 1; Филим. 1, 1; Фил. 1, 1; Тит. 1, 1).

Письмо это настолько проникнуто духом мудрости свыше, что в нем не дается ни малейшего предпочтения ни господину, ни рабу. Признается законное право Филимона над его рабом, причем однако, с другой стороны, рабство уже теряет свою силу, потому что стихи 10—21 подрывают всю его систему силою христианской любви.

Чудесное братство верующих во Христе доказывается тем фактом, что в эпоху, когда рабы считались полною собственностью господ, когда они притеснялись и не имели законных прав,—в эту эпоху „не иной кто, как ап. Павел—старец", свободный римский гражданин, всему миру известный Апостол, говорит об Онисиме, как о „сыне", как о „брате возлюбленном", как о своем собственном „сердце" (12).

Чудесна также и сила Божия, преобразившая Онисима, готового вернуться к своему господину, добровольно отдавая себя в его руки, не боясь римского закона могущего его покарать.

Свое ходатайство об Онисиме Апостол заканчивает чудными словами, свидетельствующими о его полном доверии к любимому им Филимону: „Зная, что ты сделаешь и более, нежели говорю", другими словами, зная, что Филимон отпустит Онисима на свободу для служения делу проповеди Евангелия.

„Будем внимательны друг ко другу, поощряя к любви и добрым делам" (Евр. 10, 24).

НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ [1]).

ОБЩЕНИЕ.

Темы и главные тексты.

21 Мая: Вечеря Господня первых христиан . . . . . 1 Кор. 11, 23—26.
22 „ Как должно совершать Вечерю Господню . . . 1 Кор. 11, 27—34.
23 „ Общение святых . . . . . 1 Иоан. 1, 7.
24 „ Братья во Христе . . . . . Эф. 4 ,32.
25 „ Общение с Богом . . . . . 1 Иоан. 1, 3.
26 „ Единство с Богом . . . . . Иоан. 14, 23.
27 „ Радость общения . . . . . Пс. 15, 6—9.

Относящиеся к главным текстам места Библии.

21 Мая: Исх. 12, 21—28; Матф. 26, 26—28; Лук. 22, 17—20; Деян. 2, 42; 20, 7.
22 Мая: 1 Кор. 10, 16—21; 5, 7—8.
23 Мая: 1 Цар. 23, 16; Пс. 54, 15; 118, 63; Гал. 2, 9; Эф. 5, 11.
24 Мая; Рим. 12, 15; Эф. 6, 18; Кол. 3, 16; 1 Фесс. 4, 18; 5, 11.
25 Мая: Ам. 3, 3; Лук. 24, 32; 1 Кор. 1, 9; 2 Кор. 6, 16; 13, 13; Фил. 2, 1; Откр. 3, 20.
26 Мая: Пс. 41, 3; 62, 7, 8; Фил. 1, 23; 4, 7; Евр. 4, 16.
27 Мая: Пс. 41, 6; 132, 1—3; Рим. 15, 32.

Неделя двадцать первая.

Как чудно позаботился, Ты, Отец мой, о том, чтобы я не был одинок в мире сем! Куда-бы я ни пошел, всюду нахожу я людей с благородными стремлениями, людей, Тебя знающих, видящих во мне брата своего. Куда бы я ни пошел, нахожу я Тебя, Сын Божий, Первородного между братьями. День, Господи, сотворил Ты, и ночь освещена для меня присутствием Твоим. Когда я спрашиваю, Ты отвечаешь мне; а когда я прислушиваюсь, Ты говоришь мне. На всяком холме вижу я блеск престола Твоего. В каждой долине есть храм, в котором Ты обитаешь. Там, где я встречаюсь с одним из моих братьев, там Ты посреди нас. Как могу я не видеть этого облака свидетелей? Как могу я унывать в общении со столькими соработниками? Как могу я решиться на какой-либо неблагородный поступок, когда присутствие Твое всегда окружает меня? Происходит это оттого, что я так мало проникнут сознанием общения с Тобою и со святыми Твоими; оттого что я перстный, а Ты небесный. Но Ты, Господи, избавишь меня от этого; Ты, Бог мой, дашь мне силу видеть в общении величайшее для меня благо и усмотришь для меня общение вечное.

ПРОВИДЕНИЕ.

Темы и главные тексты.

28 Мая: Провидение Божие—тайна. . . . . Пс. 72, 1—17.
29 „ Безпредельность Провидения Божия. . . . . Пс. 70, 11.
30 „ Провидение Божие ставит известные условия. . . . Втор. 5, 26.
31 „ Провидение Божие—благо для нас. . . . . Рим. 8, 28.
1 Июня: Провидение Божие прозорливо. . . . . Матф. 25, 34.
2 „ Все примиряющее Провидение Божие. . . . . Екк. 2, 26.
3 „ Правосудие Провидения Божия. . . . . Пс. 110, 5.

Относящиеся к главным текстам места Библии.

28 Мая: Иов. 33, 12, 13; Еккл. 9, 2, 11; Иер. 12, 1, 2; Деян. 1, 7.
29 Мая: Исх. 33, 19; Пс. 74, 7, 8; Пр. 16, 33, 19, 21; Иер. 51, 20, 21.
30 Мая: Исх. 23, 22; Иис. Нав. 1, 8; 1 Пар. 28, 8; Иов. 36, 11; Пс. 56, 4; Пр. 2, 21; Ис. 1, 19; Зах. 3, 7; Мал. 3, 10—12.
31 Мая: Лев. 26, 1—13; Втор. 23, 6; Пс. 32, 12; 64, 5; Ис. 54, 17.
1 Июня: Исх. 9, 16; Деян. 2, 23; 3, 18; 17, 26; Рим. 8, 29, 30; Эф. 1, 4—11; 3, 11.
2 Июня: Быт. 50, 20; Есф. 7, 10; Пр. 28, 8; Иез. 21, 31, 32; Иоан. 5, 12; Фил. 1, 12; Филим. 15.
3 Июня: Пр. 13, 22; 14, 19; 16, 7; Ис. 45, 5, 13; Лук. 22, 22.

---

[1]) См. Христианин № 1.

Неделя двадцать вторая.

Благодарю Тебя, Господи, что несмотря на бесконечное всем управляющее величие Твое, несмотря на то, что каждая Твоя мысль—закон,—Ты все таки дал мне волю свободную. Каким образом Ты хочешь меня выключить из окружности круга всемогущества Твоего, так-что я могу желания свои противоставлять желаниям Твоим, и мои решения предначертаниям Твоим, Тобою искони составленным, этого я не понимаю, и не надеюсь когда-либо понять. Знаю только, что Ты меня одарил чудной силою этой. И еще более благодарю Тебя за то, что Ты выбросил меня из гнезда моего, чтобы я научился управлять своими крыльями, тогда как Провидение Твое с любовию охраняло и укрывало меня под крылами своими. Так утешительно знать, что Ты имеешь планы для меня. Когда я спотыкаюсь, Ты поддерживаешь меня; когда я согрешаю, Ты ходатайствуешь за меня. Со всеми способностями, Тобою мне дарованными, отдаю я себя Тебе и чудному Провидению Твоему. Аминь.

ВЕРА.

Темы и главные тексты.

4 Июня: Что такое вера. . . . . Евр. 11, 1.
5 „ Что ею достигается. . . . Ис. 26, 3.
6 „ Как ее получить. . . . . 1 Кор. 2, 5.
7 „ Как она утрачивается. . . 1 Тим. 1, 19.
8 „ К чему она служит. . . . 1 Иоан. 5, 4.
9 „ Примеры веры. . . . . Евр. 11, 2—10.
10 „ Вера во Христа . . . . . Эф. 3, 17.

Относящиеся к главным текстам места Библии.

4 Июня: Пс. 113, 17; Пр. 3, 5, 6; 18, 10; Ис. 41, 10, 13; 1 Петр. 5, 7; Эф. 6, 16; 1 Фес. 5, 8.
5 Июня: Втор. 31, 8; Иис. Нав. 1, 9; Пс. 5, 12; 17, 31, 32; 31, 10; 54, 23; 124, 1, 2 Пр. 16, 20; 30, 5; Ис. 43, 1—5; Иер. 17, 7, 8; Авв. 2, 4.
6 Июня: 2 Пар. 20, 20; Неем. 4, 14; Пс. 26, 14; 36, 5; 90, 1—16; Пр. 16, 3; Авв. 2, 3; Лук. 17, 5; 1 Петр. 1, 5—9, 21; Рим. 15, 13; Эф. 2, 8.
7 Июня: Пс. 41, 5, 6; Пр. 24, 10; Матф. 8, 26; 14, 31; 1 Петр. 1, 6; Рим. 11, 20; Евр. 6, 12
8 Июня: 2 Пар. 15, 7; Еккл. 11, 1; Зах. 8, 9; 9, 12; Матф. 6, 25, 32, 33.
9 Июня: Быт. 15, 1; Исх. 4, 12, 14, 13; Числ. 14, 8, 9; Иис. Нав. 14, 12; Руфь 2, 12; 1 Пар. 14, 6; 2 Пар. 14, 10, 11; 32, 7, 8; Неем. 2, 20; Иов. 13, 15; Дан. 3, 17; Матф. 9, 22; Марк. 9, 23; Лук. 8, 50; 18, 42; Деян. 3, 16; Гал. 3, 6, 7.
10 Июня: Марк. 9, 24; 11, 23, 24; Иоан. 6, 29; 11, 25, 26; 14, 1, 11, 12; 20, 27, 29; 1 Иоан. 3, 23; Гал. 2, 20; 5, 6; Кол. 2, 7; 2 Тим. 1, 12; Евр. 12, 2.

Неделя двадцать третья.

Я верю слову Христа и потому верю, что я, ученик Его, могу творить бо́льшие дела, нежели Он, потому что Он пошел к Отцу Своему; я верю слову Христа и потому верю также, что я одним словом мог-бы горы передвигать, еслиб я имел веру в зерно горчичное, и, конечно, еслиб передвижение гор было частью мне Богом порученного служения. Я верю, что для выполнения мне Богом порученного дела мне дарована вся для этого потребная сила Божия. Сам Христос поручается за это, и я верю ему. Насколько я воспользовался этим преимуществом, настолько я убедился в истине слов Его. Но, увы, зачем опустил я бессильно руки, когда чудная эта сила и мудрость были даны в распоряжение мое? Почему не проявляю я больше деятельности и ревности в служении моему Отцу, когда источники помощи Божией при выполнении дела Христова открыты для меня? Да, почему? Почему? Почему?

МИР.

Темы и главные основные тексты.

11 Июня: Война—несчастье. . . . . Иак. 4, 1—3.
12 „ Мир между людьми. . . . Лук. 2, 14.
13 „ Мир души. . . . . Фил. 4, 7, 9.
14 „ Мир с Богом. . . . . Рим. 5, 1.
15 „ Миротворец. . . . . Матф. 5, 9.
16 „ Как достигается мир. . . Иоан. 14, 27.
17 „ Как мир утрачивается. . . Ис. 48, 18, 22.

Относящиеся к главным и основным текстам места Библии.

11 Июня: Пс. 67, 31; Ис. 1, 7; 51, 19; Иер. 18, 21; Пл. 5, 10—13.
12 Июня: Пс. 28, 11; Ис. 54, 10, 13; 55, 12; 65, 25, 66, 12.
13 Июня: Пс. 36, 37; 118, 165; Ис. 32, 17; Лук. 1, 79; Рим. 8, 6; Кол. 3, 15.
14 Июня: Иов. 34, 29; Ис. 26, 3, 12; Агг. 2, 9; Гал. 5, 22; Эф. 2, 14.
15 Июня: Пс. 37, 14; 119, 7; Рим. 12, 18; 14, 19; 2 Кор. 13, 11; 2 Тим. 2, 22.
16 Июня: Исх. 33, 14; Иов. 22, 21; Пс. 84, 11; Пр. 3, 17; Ис. 27, 5; Наум. 2, 1; Иоан. 16, 33.
17 Июня: Быт. 4, 13; Пс. 30, 11; Иез. 7, 25; Лук. 13, 28; Откр. 9, 6.

Неделя двадцать четвертая.

„Нечестивым нет мира". Как понятно это для меня! С того самого дня, как беспечность детства покинула меня и страх и забота омрачили житейский мой путь, всякая робость, всякое горе, сомнение или опасение—все происходит от греха моего или греха других людей. Мир на небе будет заключаться в отсутствии там греха. Еслиб грехи всего мира совершенно исчезли с лица земли, земля сделалась бы небом. Как утешительна эта мысль по отношению к другим и ко мне самому. И мир этот,—забывать мне этого не следует никогда,—чудным потоком может всякую минуту излиться в мою душу. Для этого мне только следует отказаться от моих грехов. Мне только надо отдать себя в руки Спасителя. Мне только надлежит принять в сердце мир, Христом на землю принесенный. Не должен-ли я сделаться миротворцем и этим положить начало достижению более глубокого мира в моем собственном сердце?

РАДОСТЬ.

Темы и главные основные тексты.

18 Июня: Источник радости . . . . . Иоан. 5, 11.
19 „ Радость о спасении. . . . . Ис. 12, 2, 3.
20 „ Радость в Боге. . . . . Пс. 15, 5—11.
21 „ Радость и долг. . . . . Неем. 8, 10.
22 „ Радость чада мира сего. . . Иов. 20, 43.
23 „ Радость христианина. . . . Иоан. 16, 22.
24 „ Радость вечная. . . . . Пс. 16, 15.

Относящиеся к главным основным текстам места Библии.

18 Июня: Неем. 12, 43; Иов. 8, 21; Пс. 18, 9; 36, 4; Ис. 35, 1, 2; 44, 23; Иер. 15, 16; 1 Петр. 1, 6, 8; Гал. 5, 22.
19 Июня: Втор. 33, 29; 1 Цар. 2, 1; Пс. 12, 6; 19, 6; Авв. 3, 18, 19.
20 Июня: 1 Пар. 16, 27; Пс. 5, 12; 20, 2, 7; 62, 8; 99, 2, 3; Ис. 29, 19; Фил. 4, 4.
21 Июня: Пс. 9, 3; 26, 6; 27, 7; 39, 17; 42, 4; 125, 5, 6.
22 Июня: Пр. 15, 21; Иоан. 4, 13.
23 Июня: Пс. 29, 6, 12; 31, 11; 32, 21; 88, 16—18; 96, 11, 12; Матф. 5, 10—12; 13, 44; Лук. 2, 10; Деян. 2, 46; 5, 41; 13, 52; 16, 25, 34; 20, 24; 1 Иоан. 1, 4; Рим. 14, 17.
24 Июня: Пс. 35, 9; 45, 5; 72, 25, 26; Ис. 51, 11; 60, 20; Лук. 10, 20; 1 Петр. 4, 13.

Неделя двадцать пятая.

Я свободный человек, добровольно себя заключающий в тюрьму. Я здоровый человек, ходящий на костылях. Я человек зрячий, но носящий на глазах повязку, чтобы не видеть. Именно таков я: полнота радостей предо мною, а я, вместо того, чтобы ею пользоваться, предпочитаю изнемогать под бременем своих забот, повседневных нужд и опасений. И печальнее всего то, что не один я страдаю от этого: я вношу смущение и в жизнь других, и зло распространяется; я не могу спокойно работать, и другие должны выполнять часть моей работы, с которою я легко справился бы, еслиб радость пред Господом была подкреплением моим. Прости меня, любящий Господь мой. Ты сошел на землю, дабы радость Твоя сделалась радостью нашею и дабы радость наша была совершенна. Не буду же впредь омрачать печалью сердце мое. Буду впредь всецело доверяться Тебе.

СВЯТОСТЬ.

Темы и главные основные тексты.

25 Июня: Будь чист сердцем. . . . . Пс. 23, 3—5;
26 „ Отделяйся от мира. . . . . 2 Кор. 6, 16, 17.
27 „ Будь свят. . . . . Рим. 12, 1, 2.
28 „ Спеши к совершенству . . 2 Кор. 7, 1.

29 Июня: Уклоняйся от зла . . . . . Пс. 36, 27.
30 „ Путь святости. . . . . Эф. 2, 21.
1 Июля: Воздаяние за святость. . . Матф. 5, 8.

Относящиеся к главным и основным текстам места Библии.

25 Июня: Быт. 35, 2; Лев. 11, 44; Зах. 14, 20, 21; 1 Кор. 3, 16, 17; 1 Фес. 4 3, 7.
26 Июня: Втор. 14, 2; Ис. 52, 1, 11; Иоан. 15, 19; 1 Петр. 2, 9.
27 Июня: Исх. 19, 6; 22, 31; 39, 30; Лук. 1, 74—76; Рим. 6, 19.
28 Июня: Быт. 17, 1; Матф. 5 29, 30, 48; Иоан. 17, 23; Кол. 1, 22.
29 Июня: Втор. 13, 17; Иис. Нав. 7, 13; Иов. 28, 28; Пс. 96, 10; Пр. 16, 17.
30 Июня: Иов. 36, 21; Пс. 4, 5; Пр. 11, 23; 12, 5; Ис. 35, 8; 1 Петр. 1, 15, 16; Эф. 1, 4; Евр. 12, 1, 14, 15.
31 Июля: Пс. 31, 2; Рим 6, 22; 1 Тим. 4, 8.

Неделя двадцать шестая.

Быть совершенным, как совершен Отец наш Небесный—высшее стремление духа нашего. Надеяться достичь совершенства казалось бы слишком смело с нашей стороны. Но это мне повелено Богом, и идеал этот назначен мне Им Самим. Потому что „Будьте совершенны"—повеление Христа, и следовательно для меня это вещь возможная. Значит можно искоренить самый зародыш пагубного яда греха. Следовательно, можно победить свою немощь, чтоб беспрепятственно итти вперед, как равномерно текут звезды по орбитам своим; значит можно всецело подчиняться воле Божией. Значит можно побеждать огорчения, чтобы полный мир царил в душе и мир постоянный, неизменный. Следовательно ,можно приобрести ревность Апостола Павла, любовь Апостола Иоанна, верность Стефана. Значит возможно и мне на этой земле созреть для вечности, столь близкой. Все это возможно для меня, раз Христос мне это говорит,—возможно под Его руководством и в силе Его.

О, Господь Иисус, веди меня в это Царство славы Твоей. О, Спаситель мой, сохрани меня неповинным для Царства Твоего. Чудный Наставник мой, отними от меня все, мешающее мне достойно служить Тебе. Да будет слава Тебе во веки веков. Аминь.

ИИСУС ХРИСТОС У МАРФЫ И МАРИИ.

Склонялся медленно к закату летний день,
Когда зашел Христос в знакомое селенье,
И в доме Марфином присел Он на ступень;
Маслины и куеты отбрасывали тень,
В вечернем воздухе стихало пташек пенье,
И Он заговорил, — и полон вдохновенья
Был взор Учителя и смысл Его речей.
Мария, не сводя восторженных очей
С лица Спасителя, у ног Его сидела,
И верой пламенной, любовью без предела
Пылала в ней душа, и открывался ей
Иной нездешний мир, великий и безбрежный,—
Проникновенный взор, благой и безмятежный,
О свете говорил божественной любви.
А Марфа, хлопоча, меж тем, об угощенье,
Приблизившися к ним, сказала в нетерпенье:
«Пошли сестру мою на помощь мне, Равви!»—
Но молвил Иисус: «Печешься ты о многом,
О, Марфа! Чуждая заботам и тревогам,
Мария избрала благую часть: у ней
Та не отнимается, и благо будет ей!

О. Ч.

Редактор-Издатель: **И. С. Проханов и Я. И. Жидков.**

Ленинградский Гублит № 32.208. Тираж 15.000 экз.—4 л.
Типография Центроиздата. Ленинград, Красная, 1.

Зуево-Ореховская община Евангельских Христиан (Московской губ.).